

18+

ПАВЕЛ ШАРОВ

СХВАТКА СО ВРЕМЕНЕМ

Павел Шаров

Схватка со временем

«Издательские решения»

Шаров П.

Схватка со временем / П. Шаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989479-3

Он и Она. Их далекие предки любили друг друга. Но судьба разделила влюбленных. Потомкам суждено было встретиться. Встреча оказалась короткой и обрекла их на бесконечно долгое ожидание. Они разминулись в пространстве и времени. Преодолевая смертельные опасности, они выжили — для того, чтобы увидеться через много лет в совсем другом мире и обрести долгожданное счастье. Счастье, за которое они заплатили всей жизнью, победив время.

ISBN 978-5-44-989479-3

© Шаров П.
© Издательские решения

Содержание

Встреча	6
1.1 Алена	6
1.2 Андрей	10
1.3 Алена	14
1.4 Андрей	16
1.5 Алена	22
Сквозь пространство и время	24
2.1 Андрей	24
2.2 Алена	26
2.3 Андрей	35
2.4 Алена	36
2.5 Андрей	43
2.6 Алена	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Схватка со временем

Павел Шаров

Редактор Елена Николаевна Крюкова

Дизайнер обложки Владимир Валентинович Мицкевич

© Павел Шаров, 2020

© Владимир Валентинович Мицкевич, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9479-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Встреча

1.1 Алена

Я снова здесь. В этом парке, на нашей скамейке. На той скамейке, которая принесла нам счастье. Огромное, всепоглощающее счастье, счастье встречи. Той короткой встречи, которая наполнила наши души и, увы, обрекла нас на многолетнее, бесконечно долгое ожидание. Ожидание, ставшее целью жизни.

Глубокий вечер. Я смотрю на голубое прозрачное небо, усыпанное искрящимися звездами. Там, в этой бездне, пробивается сквозь пространство и время к далекой звезде Глизе 581 твой межзвездный корабль. Выполняя свой долг перед людьми, ты ушел открывать новую жизнь, заплатив за преданность человечеству нашей жизнью, нашей любовью: моей и твоей.

А могло быть иначе, милый мой, если бы мы не опоздали. А мы опоздали. Мы встретились, когда тебе нужно было уже улетать. Мы были вместе всего несколько часов – мгновение. Но это мгновение объединило нас в единое трепещущее существо, оно породило в нас неразрывное чувство любви. Теперь мы принадлежим друг другу, какое бы расстояние ни разделяло нас, какое бы время ни выпало нам испытанием.

Ты помнишь, как мы встретились? Конечно, ты помнишь. Я знаю, что ты меня слышишь. Ты чувствуешь, как я люблю тебя, как я ласкаю тебя, как я гляжу в твои полные радости и глубины глаза. Да, да. Мы неразрывны, мы едины, и это будет продолжаться вечно.

...Тогда я сидела на этой лавочке и перебирала в памяти последние события, которые выстраивались чередой, сменяя друг друга и оставляя в душе все нарастающую гнетущую грусть. Несколько дней назад мы, наконец, окончательно расстались с мужем и, как мне показалось, оба почувствовали облегчение. За этим облегчением образовалась пустота. Мы не любили друг друга, но мы не были чужими.

Жизнь протекала спокойным потоком. Напряженная работа сменялась семейными заботами. И все же время от времени без серьезных причин возникали споры, ссоры. Мы не слышали друг друга. Слишком разные мы были. Он любил одно, я – другое. Разные вкусы, разные взгляды на мир. Главное заключалось в том, что наша семейная жизнь походила на сосуществование, в ней не было того, чего я ждала – счастья.

Творческий коллектив друзей-медиков и биологов отправился в экспедицию, а я осталась одна обрабатывать результаты изысканий экспедиции на спутник Юпитера Европу. Там, на Европе, меня заинтересовала примитивная жизнь в подледных водных искусственных резервуарах, образованных миллионы лет назад раскаленными астероидами, прожигавшими глубочайшие колодцы в ледяной оболочке спутника. Работа закончилась аварией. Погибли мои близкие друзья. Они погребены в ледяной гробнице. Вечным памятником им стал обрастающий вокруг Юпитера спутник Европа. Оставшиеся в живых были обязаны спасением, как ни странно, сверхскоростному беспилотному грузоперевозчику. Оказавшись на близком расстоянии, он услышал сигнал тревоги и в последние секунды перед ледяной лавиной успел принять на борт тех, кто еще сопротивлялся неизбежной гибели.

События воспроизводились в памяти, смешиваясь, опережая друг друга и рождая чувство тоски и одиночества. Я понимала: назревает момент, когда я возьму себя в руки и предприму попытку изменить жизнь. Например, уеду в какую-нибудь новую экспедицию и с головой окунусь в работу.

Я сидела на лавочке в глубокой задумчивости и вдруг почувствовала нечто особенное: волнение, тревогу. Нет, это не был страх. Это было предчувствие чего-то нового и серьезного. Печаль, рожденная горькими воспоминаниями, стала уступать место непонятной радости.

Я замерла в ожидании.

С правой стороны у входа в парк послышались шаги. Шаги спокойного уверенного человека.

«Это он», – подумала я, еще не понимая, что это значит.

Я повернула голову в сторону приближавшегося человека, и наши взгляды встретились. Мы смотрели друг другу в глаза, не в силах отвести их.

«Ты!»

Я даже хотела привстать, но сил не было.

Мне казалось, что я знаю тебя всю жизнь, больше, чем жизнь.

Ты был в памяти моего сердца.

«Это ты!».

Ты улыбнулся, и эта улыбка вызвала у меня слабое головокружение. Но я справилась с собой.

Когда ты сделал последние два шага, взял мою руку и поцеловал ее, во мне все кричало от радости. Нам не надо было знакомиться. Мы были знакомы всегда. Только не знали об этом.

В твоих глазах я прочитала такую же бурю счастья, какая бушевала во мне. Мы всю жизнь ждали друг друга. Я читала твои мысли, ты – мои. Нет, не мысли, а чувства, которые становились мыслями в величайшей сложности инструменте – голове.

Я поняла: ты обладаешь теми же редкими качествами, что и я.

Мы могли разговаривать без слов.

– Я чувствовал, что найду тебя. И вот – нашел.

– Я ощущала, что ты меня ищешь и знала, что найдешь.

Ты осторожно помог мне встать, и мы пошли.

Куда? Мне было все равно. Лишь бы быть рядом.

Я взглянула на тебя. Высокий, стройный, много старше меня, сединой серебрится шевелюра. А в глазах! Небо, Вселенная, усыпанная веселыми искрами. И сам весь излучающий радость, свет, счастье.

Ты остановился и снова взглянул мне в глаза. И я потеряла ощущение себя. Меня не было. И тебя – тоже.

Были мы – единое существо.

Твой взгляд проникал в мое сознание, мой – в твое. Мы понимали друг друга, глядя в глаза друг другу.

– Я счастлив, что нашел тебя.

– Я тоже счастлива, милый мой.

Мы снова пошли по дорожке.

– Вы кто по специальности? – спросил ты. – Хотя, подождите, я сам скажу. Вы биолог и медик.

– Да, у меня несколько специальностей. А главное, что меня захватывает – многообразие проявлений жизни. А вы – звездоплаватель?

– Да. Я почти всю жизнь провел в космосе... и завтра улетаю снова.

– Далеко? – еле слышно произнесла я.

– Очень.

У меня подкосились ноги. Огромная тяжесть легла на плечи.

– Но я вернусь, – сказал ты, немного побледнев, – повернул меня к себе и, глядя мне в глаза горящим взглядом, добавил: – Обязательно вернусь.

– Верь мне, верь! Я прорвуся, и мы будем вместе. Жди меня, жди!

– Я буду, буду ждать тебя, даже если потребуется вся жизнь.

Мы долго гуляли по вечернему городу. Заходили в кафе. Ты заказывал сок, кофе, фрукты, легкое вино. Тяжесть предстоящего расставания временно отступала. Наконец, мы остановились, посмотрели друг на друга и пошли в гостиницу, где остановился ты.

Лифт поднимался очень медленно. Или нам это казалось. Но вот он – наш номер. Ты прислонил руку к двери, и она открылась. Ты обнял меня крепко-крепко и стал целовать в лоб, висок, шею. Я повернулась к тебе лицом, и наши губы встретились. Ты поднял меня, как пушинку, и положил на кровать.

Через несколько минут наша одежда валялась на полу, а мы, обнаженные, прижались друг к другу, испытывая блаженство. Ты целовал меня всю: руки, грудь, шею, губы. Я вся дрожала, пока наши тела не соединились в один пульсирующий клубок.

Одна ночь. Только одна ночь. И в ней вся жизнь.

Всю ночь мы не разжимали объятий.

Всю ночь я слушала биение твоего сердца, твое дыхание.

Всю ночь ты гладил меня, целовал и прижимал к своей груди.

Когда закончилась эта счастливая буря, я еще долго держала тебя в объятиях, не допуская и мысли о том, что когда-нибудь отпущу, освобожу, останусь без тебя.

Но мысль, увы, не материальна. Она проникает сквозь запреты и начинает разрушать счастливую идиллию, возвращая к главнейшему вопросу: что дальше?

Как быть? Неужели это счастье оборвется так же неожиданно, как началось? Мы оба думали об одном и том же.

Можно ли что-то изменить? Можно ли эти мгновения счастья продлить на всю жизнь?

– Милая моя, мы не должны расставаться.

– Да, да, не должны.

– Какое бы расстояние ни разделяло нас, мы должны быть вместе.

– Да. Мы будем вместе. Я буду с тобой до конца дней.

И я заплакала. Слезы хлынули ручьем.

– Аленушка, милая, не надо плакать. Ведь мы будем встречаться. Ведь мы это умеем. Мыждемся настоящей встречи.

Ночь проходила. Наступало утро. Мы еще крепче прижались друг к другу, в последний раз.

– Нам пора, – сказал ты. – Через сорок минут за мной приедут. Мы еще успеем прогуляться и проститься.

Как я одевалась? Я не помню. Голова гудела. Я была как в бреду. Мне трудно было понять: как это может быть? Найти счастье, и тут же его потерять!

Безысходность овладела мной. Мне казалось, что жизнь заканчивается.

Больше уже ничего не будет. Не будет. Навсегда! Навсегда!

Ты заметил мое состояние.

– Милая... возьми себя в руки.

Ты стал целовать меня, напоил горячим сладким чаем.

– Я буду всегда с тобой. Не забывай меня.

– И ты тоже не забывай. Я не смогу без тебя.

– Аленушка, мы идем на схватку со временем. Это будет самая продолжительная разлука, но мы выстоим. Мы победим. Мы встретимся, я уверен.

Мы вышли на проспект, прогулялись. И, когда подъехала машина, ты повернул меня к себе и сказал:

– Пора... Ты сильная?

– Да, я сильная.

– Держись, не теряй надежды, жди.

Ты сел в машину, потом выскочил из нее, подбежал ко мне, еще раз расцеловал меня и скрылся в машине.

Машина еще минуту была видна, а затем скрылась за поворотом.

Я села на лестничной ступеньке и присидела так, пока случайный прохожий не вывел меня из глубокого забытья.

1.2 Андрей

Ты спрашиваешь, помню ли я, как мы встретились? А разве это можно забыть? Нашу встречу. Встречу, после которой мы стали неразрывны. Мы растворились друг в друге. Я в тебе, ты во мне. Мы едины. Мы – одна субстанция. Ты говорила мне: «Я знаю, что ты меня слышишь». Алена, но ведь это естественно ДЛЯ НАС. Именно ДЛЯ НАС.

Я задумался. Миллиарды лет природа Земли перепробовала массу вариантов связи живых существ. Среди них и та, что называется телепатической.

Реликт. Почему реликт? Да потому, что в процессе развития живого появилось много других, более простых и удобных средств связи: регистрация колебаний воздуха – звук; света, отраженного от непрозрачных предметов – зрение; осязание, обоняние. Вот почему реликт. Потому что оно – это средство связи – заглушено отсутствием применения.

Этот реликт присутствует у всех. Но в разной степени.

Нам повезло. Я чувствую тебя, где бы ты ни находилась. Я ощущаю твою физическую боль и душевную, когда ты чем-то расстроена. Я живу тобой. Нас разделяет огромное пространство. Но оно не способно разделить наше единство.

Человек научился символами излагать состояние души, полет мысли. Слова, слова, книги слов. Они обеспечивают долгую память творчества, мысли человека и порывов его души. Но как беспомощны они в передаче великой правды и бездны оттенков этих порывов.

Мы с тобой обладаем счастьем ощущения происходящего друг в друге. На моем корабле пятнадцать членов экипажа. Но никто не догадывается, что для меня ты – шестнадцатый, с которым я чувствую себя счастливым, награжденным счастьем любви.

Помню ли я тот день? Помню и не забуду никогда.

Я шел по шумным улицам подземного города к одному из эскалаторов, с выходом недалеко от центрального парка. Состояние какой-то отрешенности. Будто мир замер и дышит еле слышно вокруг меня.

Моя жизнь в этом многообразном мире, построенном человечеством, кончается. Впереди годы, десятилетия ограниченного пространства корабля. В моем экипаже семь пар; семь пар, влюбленных друг в друга до такой степени, что обществу человечества они предпочли любимого человека и небольшой коллектив друзей.

Большинство из нас еще успеют ощутить счастье открытия новых миров, но ведь возможно, что возвращаться на Землю будут дети и внуки. А нас, нас увидят только на портретах, назовут первопроходцами Большого Космоса и, если ничего не случится, поместят в мавзолей Музея космонавтики. Если бы не ты, я бы спокойно смирился с такой перспективой. Но теперь нет. Теперь я до последней минуты буду бороться за возвращение. Я должен выполнить обещание вернуться, и я вернусь.

Однажды я уже испытал разрушающую силу времени, отдаляющую то, что сохранила в первозданном виде память, силу, которая пронесла меня через меняющуюся с ходом лет действительность.

Я был молод. Я считал, что любовь выдержит все, любые испытания. Я оставил на Земле жену Ларису с двухлетней дочкой Настей, а сам в группе космонавтов отправился в путешествие к ближайшей системе планет белого карлика. Всего-то в трех световых годах от Солнечной системы. Радость открытий омрачилась аварией двигателя. Возвращались долгие пятнадцать лет.

У Насти – выпускницы престижного ВУЗа – давно уже другой папа. Лариса превратилась из воздушного эфемерного существа в дородную женщину, крупного микробиолога. Новый

папа Насти – один из ведущих конструкторов в области энергетики. А я, я из двадцатидевятилетнего восторженного астрофизика превратился в пятидесятилетнего космического «волка».

Все изменилось. Сожалений не было. Ведь передо мной были совсем другие люди. Хрупкая снежинка (так я называл Ларису) и маленькая звонкоголосая Настя остались в памяти. И только.

Конечно, в долголетнем возвращении я понимал, что время меняет людей, но все-таки память настойчиво восстанавливала в воображении те прекрасные создания, которые я оставил много лет назад.

Это была мечта. Мечта увидеть снова тех, кого не хотело покидать мое воображение.

И вот встреча. Она превратила мечту в НИЧТО. Мечта, явившаяся в виде, с трудом напоминающем прежнюю Ларису, с морщинками на лице, разом изменила все, лишила воспоминания опоры, счастливого ожидания, любви. А Настя? Это вообще неизвестный мне человек. Я пытался с трудом найти черты сходства с той двухлетней Настенькой – и не мог.

А они? Они тоже смотрели на меня, как на интересную скульптуру в музее. Их сердца не дрогнули. Время стерло родство душ.

Я должен был сделать выбор. Или здесь, на Земле, начать заново свою жизнь, или продолжить тот поход в неизведанное, который стал моей основной профессией, продолжить тот образ жизни, к которому я уже привык, уйти окончательно туда, где волею судьбы я востребован гражданами Земли.

Я думал целую ночь. А утром решение созрело.

Прощай, прекрасный цветущий мир с его бескрайними просторами, теплым Солнцем, освещающим клубящиеся, белые кудрявые облака. Прощай, теперь уже навсегда.

Я прилетел в Центр космических исследований и дал согласие на руководство экспедицией к дальней звезде – красному карлику Глизе 581 с обращающимися вокруг нее планетами, часть из которых обладает тепловыми и гравитационными параметрами, похожими на земные.

И вот теперь я шел по лабиринтам подземного города, шел к эскалатору на поверхность родительницы человечества – Земли, чтобы насладиться красотой звездного неба и последний раз посидеть в каком-нибудь кафе в условиях современной цивилизации.

Я шел по длинной, широкой улице, направо и налево от которой сверкали яркие разноцветные рекламы, приглашающие зайти в заведение. Вдруг меня посетило какое-то предчувствие. В многолетней практике путешествий в космосе я привык верить своим чувствам. Это не раз спасало меня и мой экипаж от крупных неприятностей. Кличка «экстрасенс» стала моим вторым именем.

Но там было предчувствие опасности. А теперь? Напротив, меня куда-то влекло. Я стал внимательно всматриваться в окружающий меня шумящий мир. Налево небольшой парк. Там тишина аллей и ряды удобных лавочек для спокойного отдыха. Меня потянуло зайти в этот парк. По мере того, как я подходил к входу, волнение нарастало.

Я повернул налево, в парк.

Шел по дорожке.

Сердце билось все сильнее.

И вдруг! Как молния! Твои глаза.

Мы встретились взглядами, и расстояние, разделявшее нас, пропало.

Мы были рядом, и широко раскрыв глаза, тонули в их глубине.

В твоих глазах была радость и какая-то проникающая сила.

Как будто вихрь воспоминаний окутал меня. Я знал тебя. Я любил тебя. Не вчера, не много лет назад и вообще не в этой жизни, а где-то там, давно-давно, в жизни совсем другой, незнакомой. Мы встретились впервые, но любовь жила в нашей памяти, в наших сердцах и ждала момента, чтобы вспыхнуть, захватить нас всепоглощающим блаженством.

Что помешало нам тогда, в прошлой жизни? Почему наша любовь оборвалась, оставив глубокие шрамы в наших сердцах? И вот теперь мы снова рядом, и снова непреодолимая сила готова помешать нашему счастью.

Несколько мгновений мы разговаривали друг с другом взглядами. Затем, я подошел и спросил разрешения присесть рядом, хотя уже заранее знал, что ты одна и что ты излучаешь счастье, так же, как и я.

Мы о чем-то говорили. Но слова – это жалкая попытка отражения движения души, они были сопровождением нашему молчаливому разговору двух людей, счастливых тем, что они нашли друг друга.

Ты молча запела. Я закрыл глаза, слушая твой голос. Нет, не слова. Твой беззвучный голос. Я подумал: «Теперь все будет по-другому. Теперь время не разделит воспоминания и реальность. Ведь волей случая встретились мы, обладающие редкими особенностями чувствовать друг друга, независимо от расстояния между нами».

...Эта ночь была единственной. Ты была рядом. Вначале я пытался осознать то, что происходит со мной. Происходит впервые. Но волна чувств захлестнула сознание, и я превратился в парящее воплощение любви. Я ничего не помнил. Наверное, я преобразился в искрящуюся шаровую молнию, в дикого счастливого зверя, покрывающего поцелуями тебя – мою жизнь, мое чудо.

Она – эта ночь – перевернула мое отношение к дальнейшей жизни. До встречи с тобой я принял решение навсегда покинуть родной мир, я ограничил свое понятие жизни состоянием быть, наблюдать, изучать, осмысливать неизведанную доселе объективную реальность, принимать правильные управляющие решения, защищая своим опытом жизнь экипажа корабля, поставить на службу ему свой опыт и знания. Полагая, что я уже никогда не вернусь, решил подвергнуть себя химической стерилизации и уже готов был проглотить предложенную мне таблетку, но отложил эту процедуру до последнего момента прощания с Солнечной системой.

И вдруг! Вспышка чувств. Нет. Это были не просто чувства. Я встретил в тебе родственную душу. Я почувствовал, что теперь я не просто я, а МЫ. Нечто неразрывное. Теперь моя дальнейшая жизнь озарилась счастьем общения с тобой.

Встретимся ли мы еще в этой жизни или нет?

Ты всегда будешь рядом, представляя собой важнейшую составляющую моего понимания всеобъемлющей любви.

Я стал другим. Я перестал быть одиноким.

Перед встречей с тобой я прошел физическую и психологическую проверку в Институте подготовки космонавтов и был утвержден Советом по космическим исследованиям в качестве руководителя экспедиции к Глизе-581. В ресторане «Колизей» собрались мои друзья. Это были те, кто уцелел после аварии корабля «Космос-243», те, кто, в связи с гибелью нашего командира, выбрали меня руководить их работой, выбрали принимать нужные решения, направленные на сохранение их жизней. Были в «Колизее» и те, кто обнаружил наш корабль, летящий по инерции без работающих двигателей.

Друзья провожали меня в дальний путь.

Это были веселые проводы. Но сквозь улыбающиеся лица я угадывал горечь прощания, сожаление о том, что на этот раз я не просто улечу, а улечу навсегда. Тоскливые искорки нет-нет да сверкали в их глазах. И они отворачивались, чтобы я не замечал их печаль по уходящему в никуда другу.

Но это были секунды слабости. Все четко понимали: то, что я собрался делать, нужно было кому-то делать. И эта тоска сменялась гордостью за своего командира, который пятнадцать лет при наличии одного атомного реактора жизнеобеспечения корабля сохранил опти-

мистический дух экипажа и теперь решился выполнить важнейшую научную задачу, заранее зная, что цена этого решения – жизнь.

Около двухсот лет назад во времена первых пилотируемых полетов в космос все население Земли с восторгом приветствовало покорителей голубых пространств. Потом люди ликovali, получая информацию об успехах первопроходцев на Луне, Марсе, Венере, спутниках Юпитера Ганимеде и Европе, спутнике Сатурна Титане.

Времена изменились. Космические экспедиции стали обычным явлением, так же, как двести лет назад морские или воздушные путешествия.

Аленушка, когда мы прощались с тобой, я не допускал мысли о том, что больше не увижу тебя, но время предстоящей разлуки в восемьдесят лет вызывало в душе какую-то страшную тоску. Я с трудом сдерживался.

Меня сопровождали сотрудники космоцентра, и среди них представитель Совета по космическим исследованиям. Небольшой воздушный аппарат доставил нас к зданию уходящей вдаль магнитной дороги, очень похожей на выпрямленную Китайскую стену. Разместились в вагоне, который напоминал капсулу с закругленными краями. Когда капсула начала разгоняться в трубе с откачанным воздухом, нас крепко прижало к спинкам кресел. По времени разгона можно было догадаться, что скорость поезда достигала высоких величин. Прошло чуть более трех часов, и мы прибыли на космодром.

Недолгое прощание – и я уже в летательном аппарате. Магнитная дорога длиной в пятьсот километров, опираясь на вершину Эвереста, понесла нас все выше и выше, набирая начальную скорость отрыва от Земли. Затем заработал ракетный двигатель для достижения первой космической скорости. И вот я на одной из орбитальных станций.

Капитан станции, знающий о значительности предстоящей мне экспедиции, был крайне рад встретиться со мной, радушно угостил чаем, построил экипаж станции, произнес торжественную прощальную речь и на одном из тактических космолетов отправил меня на Марс.

И все это время я находился в полусознательном состоянии. Все, что происходило со мной, все мои перемещения, переезды, разговоры воспринимались в затуманенном сознании, как во сне.

Главное событие, занявшее все мое существо, была ты.

1.3 Алена

Я весь день бродила по городу, почти потеряв рассудок. Иногда меня охватывало отчаяние, внутренний поток рыданий низвергался из меня, и я не в силах была сдержаться. Я поняла – всей душой, всем существом, – что это он, тот единственный, которого я ждала еще в прошлой, позапрошлой жизни. Всегда. Он пришел, и я узнала его. Я не видела его до сих пор, но я узнала его.

Это он, тот, которого я ждала, который виделся мне в моих снах. Он пришел и принес с собой настоящую любовь. Его глаза искрились всепроникающим светом, огромной радостью. «Он нашел меня! – звучало во мне все, – он нашел меня, и теперь мы вместе, навсегда, до конца дней».

И вот... он ушел, и с ним ушла, опустела моя душа, моя жизнь.

Я почувствовала себя беспомощным существом, для которого непонятен смысл жизни. Я как пустой сосуд. Вдруг он наполнился живительной влагой огромного счастья – и в одночасье опустел.

Я пришла домой и, не раздеваясь, рухнула в кровать, содрогаясь всем телом и заливаясь слезами.

Эту ночь я провела с открытыми глазами. Я видела тебя, чувствовала твою тоску. Толпа провожатых. Ты садишься в какой-то аппарат, и он уносит тебя в космос.

Я позвонила в лабораторию, сообщила директрисе, что мне нужен один день для решения личных вопросов. По тону моего голоса директриса поняла, что я что-то не договариваю, и включила видеосвязь. Рядом со мной появилась голограмма старушки в белом халате, в чепце, из-под которого выбивались седые локоны. Глядя на меня своими добрейшими глазами, она сказала:

– Заболела? Давай-ка подключим дистанционную диагностику.

– Таисия Петровна, не надо диагностики. Я знаю – диагносты определяют депрессию.

– Депрессию? А где Коля?

– Ушел. Уже давно.

– Что? Совсем ушел? – нахмурилась Таисия Петровна.

– Совсем.

– И нельзя ничего исправить?

– В моем случае нельзя, да и нет необходимости.

Таисия Петровна вопросительно посмотрела на меня.

– Да, да, нет необходимости. Мы с ним никогда не были вместе. Он и я – порознь. Я думаю, что ему стало легче без меня, так же, как и мне без него.

– А чего же грустишь?

– Потому что грустно.

Я смахнула слезинку со щеки.

– Ну, вот что, кончай хандрить. Вставай и пошли. У нас сегодня праздник. У Наташи день рождения. Через полчаса ждем в лаборатории.

И изображение директрисы исчезло.

Я постаралась встать. В голове гудело. Сердце стонало. Руки и ноги не слушались. Но я все-таки встала. Нельзя лежать. Надо что-то делать, двигаться. Я разделась, приняла душ. Стало полегче. Растерлась полотенцем, оделась и пошла туда, где ждал меня коллектив лаборатории.

Когда я появилась в дверях, меня встретила шумная компания девочек. Меня закидали белыми ромашками и заставили выпить целый фужер шампанского, подвели к имениннице Наташке, обвешанной связками цветов.

Я подарила ей розовый камешек в виде сердечка на цепочке и сказала:

– Наташенька, я хочу, чтобы ты не торопилась дарить это сердечко. А когда выберешь, дари его на всю жизнь.

Наташа, которой исполнилось уже двадцать два года, обняла меня и поцеловала. Судя по тому вниманию, которое оказывали мне девчонки, я поняла, что Таисия Петровна сказала им о моем самочувствии.

Шум, гам, песни, тосты...

Праздник, устроенный для Наташи удался на славу. Но я ничего не видела и не слышала. Я оставалась печальной.

К институту подъезжали один за другим легкие электромобили, увозя домой развеселившихся биологов. Я пошла пешком. Мне не хватало воздуха. Я шла и непрерывно вспоминала нашу короткую встречу с Андреем. Что же теперь делать? Как побороть громадную боль и тоску?

Придя домой, я, не раздеваясь, упала на тахту, и реальный мир молниеносно сменился воображаемым. Я спала, и мне снилась бесконечно длинная дорога в небо, по которой я всю ночь шла туда, куда улетел мой единственный, возлюбленный мой Андрей.

1. 4 Андрей

И вот я на Марсе. Мой отлет через поредевший пояс астероидов к Юпитеру завтра. По дороге предстоит пролететь недалеко от восстанавливаемой планеты Фаэтон.

Какое все-таки трудолюбивое существо человек. За сто лет под контролем Марсианской обсерватории, расположенной на высоте двадцать шесть километров на склоне кратера Олимп, собрать в космосе крупные астероиды: Церера, Паллада, Гигия, Веста и многие другие в единое образование, уничтожить большинство мелких метеоритов пояса, возникших от разрушения бывшей планеты Фаэтон и при этом очистить путь от Марса до Юпитера от опасных обломков этой планеты. Это великий ТРУД.

Да. Эра освоения планет Солнечной системы и их спутников разворачивается. Человечество достигло больших успехов в ближнем космосе. Это в наших интересах – и экономических, и технических! И работа продолжается. Мы учимся использовать космос для своего блага. А человек уже смотрит туда, вдаль. Его манит тройная звезда *альфа* Центавра, звезда Барнарда, Тау Кита, Эпсилон Эридана, Эпсилон Индейца. А теперь вот – бескрайняя даль в двадцать световых лет, путь к звезде Глизе 581.

Человечество должно жить. Для этого ему необходимо осваивать все новые и новые рубежи. Иначе – упадок, стагнация.

А сегодня? Сегодня я чувствую тебя, моя Аленушка, рядом. Я ощущаю тепло твоего дыхания, глубину твоих глаз, хрупкость и мягкость твоих ладоней. Сегодня мы рядом. И я надеюсь, что до последних дней мы будем рядом. Как бы далеко ни унесло нас друг от друга в пространстве Вселенной.

И снова я окунулся в воспоминания той ночи. При первых лучах рассвета ты пыталась скрыть от меня мучившие тебя мысли: «Неужели это счастье оборвется, тек же, как началось? Можно ли это изменить? Можно ли эти мгновения счастья продлить на всю жизнь?» Я читал эти мысли. Я знал ответ: нельзя. По многим причинам. Главная из них – мы опоздали. Опоздали встретиться. Остановить заведенную машину при решении задач Всемирного значения нельзя. Это не тормознуть электромобиль, увидев божественный облик обожаемого существа. Решение задач Всемирного значения важнее душевного состояния человека и даже – его жизни.

Состав экспедиции утвержден. Задержка по его пересмотру и подготовке нового члена экипажа уже невозможна. И с этим обстоятельством нужно смириться.

– Не плачь, милая. Мы будем вместе. Мы научились общаться без слов, находясь рядом. Научимся – на гигантских расстояниях.

– Да, да.

– А потом, у нас появилась цель. Мы должны встретиться. Мы должны дожить.

– Да, да.

– И мы доживем.

Наше расставание было тяжелым. Я очень боялся, что ты не выдержишь. Но ты выдержала. «Молодец, – подумал я, – справилась. Теперь дело за мной. Я должен буду вернуться».

Итак, я на Марсе. Вот он – город на поверхности, город прозрачных колпаков. Больших и малых. Самые большие размером со стадион. Связаны между собой герметически закрытыми переходами. Это на случай метеоритного удара. Один колпак разрушится, остальные

не пострадают. Дверь из одного помещения в другое открывается посетителем с помощью специального пульта.

Пассажиры, одетые в скафандры, размещаются на легкой тележке, которая на магнитной подушке плавно останавливается у входной камеры города колпаков.

Непродолжительный отдых в кафе. Меня приглашают ознакомиться с городом в недрах Марса. Время есть. Я соглашаюсь, и глубинный лифт уносит меня на сто метров вниз, туда, где расположена основная часть города. Искусственное освещение, легкий транспорт на электро-тяге, производственные помещения, спортивный стадион с бассейном, агротехнический комплекс с сельскохозяйственными угодьями, фермами, огромными аквариумами для выращивания рыбы.

Меня очень заинтересовало решение задачи сохранения тонуса мышц при гравитации в три раза меньшей, по сравнению с привычной земной. Высокие, расширяющиеся с высотой до диаметра в сто метров сосуды, накрытые сверху сеткой, вращаются, создавая на внутренней поверхности искусственную гравитацию. Каждый из «марсиан» должен ежедневно пробежать определенную врачом дистанцию по внутренней поверхности вращающегося сосуда, прижимаемый к этой поверхности силой инерции.

По окончании экскурсии легкий марсоход лихо подкатил меня к космодрому. Лепестки огромных стартовых площадок были раскрыты, приглашая сигарообразные ракеты к полету. Но эта технология вывода грузов на орбиту Марса уходила в прошлое. На смену технологии, представляющей собой химическую реакцию горения, открытую нашими волосатыми предками, пришла новая – использование электрической энергии, получаемой атомными электростанциями.

Я вошел в здание, где меня ждал изящной формы металлический вагончик, который был уже полон путешественниками на орбитальную станцию. Вагон герметически закрылся, въехал в небольшое помещение, послышалась работа вакуумных насосов, откачивающих воздух в помещении. Затем открылся шлюз входа в вакуумную трубу магнитной дороги, которая поднималась по склону кратера Олимп на высоту двадцать шесть с половиной километров, где уже господствует космос.

– Внимание, – произнес командир летательного аппарата, – на высоте двадцать шесть километров пятьсот метров наш аппарат приобретет первую космическую скорость. Время разгона двести пятнадцать секунд, ускорение полтора g, расстояние до выхода в космос триста пятьдесят километров.

Прошло три с половиной минуты, и пассажиры почувствовали облегчение, искусственная сила тяжести прекратилась. Наступила невесомость. Аппарат вышел на орбиту вокруг Марса со скоростью чуть более трех километров в секунду. Через час корректировки движения он пристыковался к орбитальной станции, похожей на ежа, у которого вместо игл в разные стороны торчали сигарообразные тела космолетов тактического назначения.

Знакомство с капитаном орбитальной станции, обед в благоустроенной столовой для персонала, кратковременная прогулка по обширным отсекам – и вот, наконец, объявление диктора. «Гражданин Громов, ваш вылет к спутнику Юпитера Ганимед через тридцать минут. Просьба явиться на посадку в межпланетный космолет К-318».

Я нажал кнопку вызова транспорта на пульте. Небольшая тележка беззвучно подкатила ко мне и на мягкой магнитной подушке покатила к указанному месту. Мимо пролетали рабочие места исследовательского сектора с многочисленными телескопами инфракрасного, оптического, ультрафиолетового, радиодиапазонов, установки регистрации рентгеновских и гамма-излучений. Затем тележка выкатилась в царство роботов, совершенно не похожих на людей, несмотря на высокий искусственный интеллект. Эти крабовидные, длиннорукие, круглые и квадратные образования паяли, резали металл, собирали сложные конструкции двигателей космолетов. Здесь была ремонтная база, обслуживающая космический флот Марса.

Вскоре нагромождение металлических конструкций сменилось ярким искусственным освещением. Тележка несла меня по агротехническому комплексу. Справа и слева расцвела буйная растительность оранжерейного хозяйства. Далее – животноводческий комплекс с искусственной гравитацией в виде вращающегося цилиндра с внушающим уважением радиусом... Наконец, орбитальный космодром.

Я вошел в космолет, поприветствовал немногочисленных пассажиров и устроился в отведенное мне раздвижное кресло. Среди пассажиров оказалась группа детей, возвращающихся на свою родину – спутники Юпитера Ганимед и Европу – после увлекательной экскурсии по родине человечества Земле. Я заметил некоторое оживление в среде ребят, шушуканье, и вслед за этим десять пар глаз с любопытством уставились на меня. Один из ребят, самый шустрый, не выдержал и спросил:

– Вы Андрей Громов?

– Да, Громов.

– Мы вашу голограмму видели в планетарии. А наши родители строили ваш корабль.

А вы действительно улетаете на всю жизнь?

– Да, улетаю. Но надеюсь вернуться.

– А вы нам расскажете у нас дома о вашем путешествии?

– Если будет время, расскажу.

В этот момент раздался голос командира космолета.

– Внимание! Командир и экипаж приветствуют вас на борту космолета К-318. Цель полета – спутник Юпитера Ганимед. Ускорение 0,5 g, разгон десять часов, полет по инерции со скоростью сто восемьдесят километров в секунду. Расстояние до цели шестьсот миллионов километров, время в полете сорок земных суток.

Глядя в иллюминатор, я наблюдал, как уходит, становится все меньше и меньше эта, теперь уже с футбольный мяч, планета, названная красной благодаря большому количеству окислов железа на ее поверхности. И опять я задумался: «Мог ли я поступить иначе? Отказаться в последний момент, в день вылета от участия в экспедиции? Нет. Я нарушил бы ритм работы огромного коллектива. Поиск и подготовка нового командира заняла бы много времени. Следующее положение планет Марса и Юпитера, соответствующее минимальному расстоянию между ними, будет только через два года. Программа межзвездного полета кардинально нарушится. Нет. Личные интересы в таких случаях должны уходить на второй план».

Но как тоскливо уходить без тебя, милая Аленушка. Как тяжело оставить тебя с таким же грузом тяжести в душе, какая гнетет меня.

Усилим воли я заставил себя мысленно вернуться туда, на Землю.

Я хочу увидеть любимую. И я ее увижу.

Вот проясняется ее силуэт. Она в помещении рядом с экраном, на котором совсем недавно в последних известиях показывали отлет космолета К-318 с орбитальной станции, показывали мое изображение. Теперь на экране мелькали другие картины, но Алена, как завожженная, стояла у экрана, будто в забытии, и все еще видела мое улыбающееся лицо.

Я все ясней различал обстановку помещения, где находилась Алена, все четче становились детали ее одежды, выражение ее лица. Грустного лица со слезинкой на щеке. Вдруг глаза ее удивленно раскрылись, вся она подалась вперед, ко мне, стоящему рядом.

– Увидела! Здравствуй, моя Аленушка, – мысленно произнес я.

– Здравствуй, милый, – ответила она.

– Вот видишь, мы вместе. Мы всегда будем вместе.

– Да, да.

– Я буду рассказывать тебе о своем путешествии.

– Да. Ты мне покажешь свой корабль, и я буду посещать тебя, я смогу, я постараюсь.

Я протянул руку и нежно погладил ее по голове. И она ощутила это прикосновение.

– Алена, сейчас к тебе войдут. Прощай. Нет – до свиданья.

– До свиданья. Береги себя, милый мой. Я люблю, люблю тебя.

Дверь в помещение открылась, и видение растворилось. Я очнулся. В голове чувствовалась небольшая тяжесть.

Диктор приглашал в столовую, объяснял режим работы тренажерного зала, кабинетов просмотра объемных кинофильмов и других помещений космолета.

Мне повезло. Искусственно воссоздаваемая из астероидов планета Фаэтон, обращающаяся по круговой орбите вокруг Солнца, на этот раз была совсем рядом с траекторией полета космолета К-318. Оптический телескоп, предназначенный для пассажиров, был все время занят. Я зашел в сектор управления и попросил понаблюдать в штатный телескоп. Экипаж корабля, познакомившийся со мной, не то чтобы с почтением, а с каким-то благоговением относился ко мне. Еще бы! Перед ними был командир корабля, впервые в истории человечества улетающий в такие дали, что можно было с большой долей уверенности сказать: этот командир улетаet навсегда.

Огромная бугристая масса, состоящая из многочисленных астероидов, каждый из которых диаметром от десятков до тысячи километров, заняла в просторах Солнечной системы место когда-то разрушенной планеты Фаэтон. Вновь собранная из осколков, эта планета уже достигла размеров Марса, и, разогретая внутри мощным реактором, спрессовывалась под действием сил гравитации. Вокруг нее обращалось множество небольших спутников. Между ними сновали грузовые космолеты, собирающие этот мусор для дальнейшего сопровождения на поверхность планеты. Движущей силой, перемещающей эти плавающие спутники, были встроенные в них ракеты, по несколько штук на объект.

Управление всей этой работой проводилось из специального аппарата: он обращался вокруг рукотворной планеты. Аппарат состоял из двух вращавшихся в разные стороны цилиндров, в одном из которых располагался рабочий экипаж, а в другом – агрокомплекс, обеспечивающий автономное существование обслуживающего персонала. По центру цилиндров зияло крупное отверстие – космодром для ремонта и обслуживания грузовых космолетов.

Командир космолета включил направленный луч радиосвязи.

– Привет строителям планеты, – произнес он. – Как жизнь, Николай Петрович?

Через две минуты на экране появилось улыбающееся лицо бородатого человека.

– Жизнь прекрасна и удивительна. Что привезли?

– Все, что просили. Лекарства, свежие семена, кое-какую аппаратуру регенерации. Высылаю дисколлетом.

– А вода?

– Толкач с Марса прибудет через месяц. Тащит шарик в тысячу тонн. Пока хватит. Принято решение один из водяных астероидов, плывущих к Венере с внешнего кольца Сатурна, закрутить вокруг Фаэтона. Будете приступать к формированию атмосферы.

Расстояние между космолетом и управляющим аппаратом составляло двадцать миллионов километров. Поэтому разговор шел с паузами в полторы-две минуты.

– Говорят, среди вас летит командир корабля «Старт-4» Громов?

– Да, летит. Вот он, можете посмотреть.

– Очень приятно познакомиться. Меня зовут Николай Петрович. Я всю жизнь мечтал о таком путешествии. Да вот теперь устарел. Очень рад за вас.

– Спасибо, Николай Петрович, – ответил я. – Я думаю, вам есть чем гордиться. Создать первую рукотворную планету – это не шутка. Если мне лет через восемьдесят придется вернуться в Солнечную систему, я обязательно прогуляюсь по цветущим садам созданной вами планеты.

– Спасибо. Пройтись пройдетесь, а вот насчет цветущих садов – это, пожалуй, возможность для внуков и правнуков.

– Пусть так, Николай Петрович. Все мы работаем ради детей и внуков. Успехов вам.

– А вам успешного возвращения. Всего хорошего.

Экран погас. Я поблагодарил командира и вернулся в салон для пассажиров.

Огромный, красного цвета шар Юпитера с многочисленными полосами по экватору медленно приближался. Командир включил дальний обзор, и на экране появилось около десятка спутников Юпитера. Конечным пунктом путешественников был самый крупный из них – Ганимед: он обращался по орбите вокруг Юпитера на расстоянии в один миллион километров.

– Внимание, – прозвучал голос командира, – начинаем торможение. Время до посадки десять часов.

Ганимед, в диаметре на тридцать процентов меньше Марса, изрытый глубокими бороздами и кратерами, покрытый толстым слоем льда, оказался в свое время очень удобным для строительства поселений. Накрыв самый большой кратер и расходящиеся лучами глубокие борозды твердым материалом, первопроходцы получили город под крышей, разместив там атомные реакторы и станции синтеза водорода в гелий. На этой энергетической основе возникло производство межзвездных кораблей. Их выход в космическое пространство оказался несложной задачей: спутник обладал небольшой гравитацией. Что же касается жизнеобеспечения, то неограниченное количество воды, из которой методом электролиза можно получить водород и кислород, явилось решающим фактором выбора космической базы для выхода кораблей из Солнечной системы.

Вскоре космолет совершил посадку на Ганимед, и я получил пару дней для экскурсии по подледному городу.

Я поражался трудолюбию людей, осматривая подледное хозяйство, включая рыбное, оранжерейное и животноводческое. Но самое большое впечатление произвел на меня корабль «Старт-4». Несмотря на то, что на Земле я тщательно ознакомился с конструкцией и особенностями корабля, внешний вид этой махины поразил меня.

Сопровождать меня по кораблю вызвался заместитель командира Карен Баграмян, который провел последние десять лет на строительстве этой шестисотметровой в длину и стопятидесятиметровой в диаметре махины. Мы прошли по передней части корабля, представляющей собой цилиндр обитания экипажа. Здесь располагались: зал управления, зал заседаний, спальный комплекс, рабочие кабинеты специалистов, спортивный комплекс, бассейн. Большую часть цилиндра занимали сельскохозяйственные угодья, состоящие из шести этажей.

Диаметр цилиндра обитания составлял сто метров. За цилиндром обитания располагался технический цилиндр. Там были размещены тактические космолеты, малогабаритные дисколеты, средства перемещения по поверхности и в атмосфере неизвестных планет, а также батискафы для изучения водных глубин. Ниже – поражающее оружие: атомные, водородные и аннигиляционные бомбы. Там же – запасы горючих веществ, атомные реакторы жизнеобеспечения корабля, двигатели на базе синтеза водорода в гелий, необходимые для первоначального разгона корабля. Дальнейшее увеличение скорости до максимальной величины в сто пятьдесят тысяч километров в секунду будет обеспечиваться двигателем на основе аннигиляции водорода и антиматерии (позитроны, антипротоны, которые сосредоточены в магнитных камерах корабля). Средства наблюдения от радио до гамма-диапазона частот рассыпаны по поверхно-

сти корабля. При достижении максимальной скорости двигатели прекращают работу, и корабль начинает полет по инерции. Цилиндр обитания начинает вращаться для создания искусственной тяжести. С целью сохранения ориентации оболочки корабля технический цилиндр вращается в противоположную сторону.

Вечером состоялась встреча с экипажем. Для начала мне представился каждый из пятнадцати. Несмотря на то, что зам. командира мог считать, что мое знакомство с ним уже состоялось, он, тем не менее, решил не нарушать этикет и первым доложил мне.

– Карен Баграмян. Доктор технических наук. Специалист по двигателям летательных аппаратов. Последние десять лет занимался контролем строительства «Старт-4». В дальних полетах не участвовал. Не женат. Жена погибла в катастрофе. Есть взрослые дети.

Мне понравился этот, уже немолодой, грамотный человек, решивший посвятить остаток своей жизни детищу, которое он создал. Понравились мне и два молодых пилота первого класса Альберт Арсеньев и Джон Браун. Оба, несмотря на двадцатипятилетний возраст, уже успели налетать в космосе изрядное количество времени. А главное – в совершенстве освоили управление многочисленными космическими и атмосферными летательными аппаратами, средствами передвижения по поверхности, в том числе гусеничными, колесными и на воздушной подушке, батискафами для подводного плавания и, естественно, управление кораблем.

Молодая астронавигатор Людмила Голубкина, явно влюбленная в Альберта Арсеньева, по-видимому, откликнулась на его предложение провести в полете вдвоем всю свою жизнь. То же самое можно было сказать про космобиолога Изабель Пикар, которую с Джоном Брауном объединила любовь.

Муж и жена, доктор технических наук энергетик Герман Береговой, в совершенстве знающий конструкции атомных реакторов, и врач Инес Фалетти уже в достаточно зрелом возрасте, оставив повзрослевших детей, решили улететь и безвозвратно пропасть во Вселенной. Решение этой пары было для меня загадкой.

Жизнь Симоны Верга – известного астрофизика – была, по-видимому, полностью посвящена науке, и для нее не стоял вопрос, вернется ли она – сорокалетняя женщина – обратно на Землю. Вопрос ставился по-другому: стоит ли положить жизнь на алтарь знаний? И она решила этот вопрос положительно. Что же касается ее мужа – повара, весельчака Алана Дюбуа – то интерес к жизни у него ограничивался вечным вопросом – есть ли группа товарищей, которых он может вкусно накормить? Здесь эта группа есть.

Очень похожа на эту пару была также пара околдованных своими профессиями: инженер аннигиляционных установок и синтеза водорода в гелий Ричард Смит и его жена – космолингвист и художник Ингрид Майер.

Старые друзья по предыдущим экспедициям Гао Фэй и Илона Макинен – специалисты по агротехническому хозяйству, и животноводы Петр Стрелков и Ольга Павлова настолько привыкли к своей работе в искусственно созданных условиях, что не представляли себе существование в среде с естественным Солнцем, белыми облаками и теплыми реками и озерами. Если добавить к этому, что они уже несколько лет создавали свое агротехническое хозяйство на корабле, то естественно, что они ни за что не согласились бы с ним расстаться.

Я рассказал о своей прежней работе в качестве командира корабля. В результате и та и другая стороны остались довольны друг другом.

Семь дней на контрольную проверку работы систем, и вот он – исторический день прощания с прекрасным миром землян.

Проводы экипажа состоялись в просторном зале торжеств. Мэр подземного города поднял бокал с искрящимся шампанским, произнес тост за успехи первооткрывателей сверхдальних дорог и расцеловал каждого из членов экипажа.

1. 5 Алена

Андрей, Андрей, милый мой! Как мне тяжело. Почему? Зачем нам такое наказание? Обстоятельства? Как мы могли допустить эти обстоятельства? Ведь мы могли быть вместе. Там, в твоём корабле, всю жизнь, все восемьдесят лет. Нужно было только вовремя включить меня, биолога, в состав твоей экспедиции. На твоём посту командира корабля это можно было сделать за два-три дня. Всего два-три дня. Как могло случиться, что у нас с тобой не было этих дней? Не было даже одного дня. Был один вечер и одна ночь. Вся жизнь и одна ночь.

– Андрюша, смогу ли я выжить без тебя? Смогу ли преодолеть эту бездну времени?

– Сможешь, Аленушка, – услышала я внутренний голос Андрея.

Я подняла голову. На экране по новостям показывали прощание на Ганиমেде с космонавтами, уходящими в дальнее плавание в безбрежный космос.

Подъемник уже достиг верхней части корабля «Старт-4». У люка в цилиндр обитания я увидела тебя, увидела и потянулась к тебе. Ты посмотрел мне прямо в глаза. Нам не нужен был экран. Мы смотрели друг на друга через пространство, разделяющее нас.

– Сможешь, Аленушка, – повторил он. – Пока мы будем живы, мы сможем. Не плачь. Прими это испытание и жди.

– Да, да, милый. Я буду ждать. Теперь вся моя жизнь будет принадлежать ожиданию. Я все сделаю, чтобы выжить и дождаться.

Улыбка, прощальный жест, и люк закрылся. Дальше я ничего не вижу. Глаза открыты, а я не вижу. Слышу только:

– Алена, Алена, Алена!

Прошло время. Это жестокое время, пожирающее все на своем пути. Это единственное, что невозможно вернуть, исправить. Оно безвозвратно уходит с радостями и горестями и остается только в памяти и душевных муках.

И все-таки жизнь сильнее времени. Так же, как с течением времени зарастает рана на теле, оставляя рубцы на память, так постепенно затухает нестерпимая душевная тяжесть утраты – сердечная зарубцевавшаяся рана, которая нет-нет да просыпается острой болью, не давая памяти забыть пережитое.

Милый мой, я нашла в себе силы встать, заставить себя дышать, включиться в ритм бытия.

Андрюша, как я бы хотела ускорить время, сократить ожидание. Есть два способа. Первый – это криогенная камера. Но тогда я лишу себя и тебя постоянного общения, которым наградила нас природа. И второй способ: уйти в работу, в тяжелую работу в трудных условиях. Хотя бы частично повторить твоё самопожертвование, уйти в такой же отрыв от общества – ради решения одной из важных задач для этого общества.

Андрей, есть ли еще какой-либо, третий способ сократить время? Я не знаю. Я выбрала второй. Я обратилась в Совет по космическим исследованиям и из предложенных мне вариантов работы выбрала работу на станции связи, расположенной на спутнике Сатурна Титане – спутнике, обладающем гигантскими запасами жидких углеводородов: метана, этана, газообразного водорода и многокилометрового слоя замерзшей воды. Теперь у меня есть цель. Я буду исследовать живые организмы, развивающиеся при низких температурах по Цельсию. Я буду

занята серьезным делом. Большой работой. Может быть, она займет все мое время. И я не буду так сильно, мучительно тосковать по тебе. Не знаю. Пока ничего не знаю.

Получив направление, я собралась и вылетела по назначению.

Сквозь пространство и время

2. 1 Андрей

Шесть месяцев набора скорости с ускорением в 1g, триллион километров от Солнечной системы (десятая часть светового года). Солнце превратилось в яркую звезду. В остальном будто бы ничего не изменилось. Неподвижность, пустота. Но как она опасна, эта мнимая неподвижность, эта мнимая пустота.

Корабль мчался с полусветовой скоростью. Набирать более высокую скорость запрещал кодекс космонавтики. Выше – только для беспилотных космических объектов.

Еще в 2050-м году к звезде Глизе 581 в созвездии Весов устремился автоматизированный беспилотный космолет. Набрав скорость в сто тысяч километров в секунду, он через десять лет полета по инерции перестал подавать признаки жизни. Расшифровка переданной информации с расстояния до шести световых лет о встречах с космическими объектами и газообразованиями подвигла конструкторов усилить электромагнитную защиту следующего аппарата, и в 2078-м году с космической базы спутника Юпитера Ганимед стартовал следующий, более совершенный беспилотный космолет, обладающий максимальной скоростью в сто пятьдесят тысяч километров в секунду. Космолет достиг звезды Глизе 581 и передал снимки шести окружающих ее планет, три из которых, Глизе 581c, 581g и Глизе 581d по своим гравитационным и тепловым параметрам соответствовали условиям развития биологической жизни на основе углеродистых соединений.

Запрограммированная попытка провести на поверхности одной из этих планет ряд исследований с использованием легкого планетолета не увенчалась успехом. Коснувшись поверхности, планетолет потерпел аварию. Попытка направить аналогичный аппарат на вторую планету также оказалась неудачной. Наблюдения с космолета показали с высокой достоверностью, что на ней бурно расцветает растительный и животный мир. Передав эту информацию на Землю по узконаправленному электромагнитному лучу, космолет перестал существовать, столкнувшись с крупным астероидом.

Информация об этих событиях дошла до Земли только в 2140-м году. Неудачи, связанные с потерей беспилотных космолетов, не только не огорчили главных конструкторов космической техники и руководителей Совета по космическим исследованиям, но и вдохнули в них энтузиазм и надежду найти в системе красного карлика Глизе 581 разумную жизнь.

Так возникла программа строительства в определенной степени неуязвимого корабля-матки, обращающегося по круговой орбите вокруг звезды и несущего на борту беспилотные тактические средства для обследования атмосферы, поверхности и водных бассейнов планет. Работа предстояла трудная, и только в 2160-м году был, наконец, дан старт беспрецедентной по своей смелости и затратам экспедиции.

На экране кругового обзора вдруг ярко вспыхнула красная точка. Траектория одного из метеоритов пересекалась с траекторией движения корабля. Прозвучал звуковой сигнал, предупреждающий о предстоящем изменении искусственной гравитации. Дополнительное ускорение прижало членов экипажа к спинкам кресел. Через несколько секунд угрожающая вспышка на экране пропала, превратившись в одну из многочисленных темных точек. Компьютер бесстрастно фиксировал опасные космические объекты, миллиардами лет блуждающие по просторам Вселенной, и давал команды на коррекцию движения корабля. В случае необходимости включалась электромагнитная защита, в том числе и лазерные пушки, превращающие в пар опасные метеориты.

– Внимание экипажа, – произнес я, – справа надвигается опасное облако метеоритной пыли. Приготовиться к коррекции направления движения.

Пилот включил боковые двигатели, и сила, в полтора раза превышающая силу тяжести на Земле, придавила членов экипажа к креслам. Опасное облако двигалось с большой скоростью, но корабль прошел мимо, попав в разреженную часть этого облака. Экран засверкал красными вспышками опасных метеоритов. Автоматическая лазерная защита расстреливала их на подступах к траектории корабля.

Прошло две минуты, и напряжение прошло. Корабль, пролетев в двадцати миллионах километров от опасной зоны, вновь оказался в безопасном космосе. Наступило то унылое состояние, когда корабль, казалось, повис в пустом пространстве, несмотря на высокую, полусветовую скорость. Органы чувств человека не фиксировали этого поступательного движения.

Я вспомнил, как в молодости гонял на катере по реке Волге. Скорость ощущалась по пролетающей мимо ряби на поверхности воды, по движению берегов. Здесь никакой ряби не было, а берегами были разбросанные в голубой бездне скопления звезд. Но они – эти звезды – были неподвижны независимо от скорости корабля, и создавалось впечатление безмятежного спокойствия.

Итак, крейсерская скорость достигнута. Пора выключать двигатели и переходить на полет по инерции. Я собрал экипаж.

– Приказываю: экипажу проверить крепления оборудования в рабочих кабинетах корабля и в техническом цилиндре. Группе в составе: Гао Фэй, Илона Макинен, Петр Стрелков, Ольга Павлова под руководством энергетика Германа Берегового проверить сочленения, обеспечивающие переориентацию помещений агротехнического комплекса. Подготовить робототехническую группу для своевременного исправления возможных поломок. Воду в бассейне слить на время переориентации в цистерны. В помощь группе направляются Альберт Арсеньев и Алан Дюбуа. Через час по моей команде начинаем согласованный перевод основного двигателя в нерабочее состояние и набор скорости вращения цилиндра обитания и технического цилиндра. Ответственные: пилот Джон Браун и Ричард Смит. Контроль за согласованным переводом на искусственную силу тяжести возлагаю на моего заместителя Карена Баграмяна. По окончании работ Герману Береговому обеспечить готовность боковых двигателей для коррекции движения корабля.

Через два часа внутренности корабля преобразились. Цилиндр обитания, вращаясь со скоростью четыре оборота в минуту вокруг своей оси, превратился в центрифугу. По ее внутренней боковой поверхности расхаживал экипаж корабля. Сила притяжения поменяла направление: если раньше верхом для космонавтов была носовая часть корабля, то теперь – ось вращения цилиндра обитания.

Транспортировка грузов из цилиндра обитания в технический цилиндр, вращающийся в обратную сторону, стала обеспечиваться по самому безопасному пути – на высоте пятидесяти метров вдоль оси цилиндров. Члены экипажа, перемещавшиеся ранее из одного отсека цилиндра обитания в другой на лифте, теперь стали двигаться вдоль корабля на трамвайчике.

Постепенно экипаж привык к новой обстановке, и его снова поглотило будничное «висение» в космосе, нарушаемое иногда корректирующей работой боковых двигателей. Эти двигатели гарантировали спасение корабля от встречи с редкими метеоритами и газовыми скоплениями.

2. 2 Алена

Светложелтый шар Сатурна занимал половину неба. Полтора миллиарда километров позади. Мне повезло. Одна из пересадок была на Ганимеде. Я побывала там, откуда стартовал твой корабль «Старт-4» к далекой звезде. Я бродила по переходам подземного города, по паркам, выросшим под искусственным Солнцем, там, где прогуливался когда-то ты. Я ощущала твое присутствие. Мы мысленно разговаривали, гуляли рядом.

Нас разделяло пространство – жестокий враг любящих сердец. С Ганимеда мой путь к Сатурну продолжался на специальном космическом толкаче, предназначенном для выталкивания астероидов с эллиптических орбит вокруг Сатурна в сторону Солнца. Астероиды эти сплошь состояли из водяного льда. Их было много. Когда они сталкивались между собой, часть из них рассыпалась в мелкие обломки, пополняющие кольца Сатурна, часть падала на поверхность крупных спутников Сатурна, а часть, получив толчок в сторону от Сатурна, переходила на обращение вокруг него по вытянутой эллиптической орбите. Там, в дальней точке от Сатурна (в афелии), они усилиями толкачей срывались с эллиптической орбиты и направлялись в сторону Солнца. По дороге к Солнцу в них встраивались ракетные двигатели, которые и выводили их на орбиту Венеры.

На Венере велась бурная деятельность по ликвидации парникового эффекта, создаваемого мощным слоем углекислого газа. Вода была нужна для размножения микроорганизмов, поглощающих углекислый газ и воду, выделяя кислород и водород. Постепенно, десятилетие за десятилетием, на Венере создавалась атмосфера, аналогичная земной, на создание которой требовались миллиарды тонн воды.

Тактический космолет, наполненный нужными на Титане материалами, оборудованием и группой специалистов, в которую входила и я, стартовал с транспортного толкача в сторону Титана. В иллюминаторе можно было разглядеть оранжевый шар, покрытый непрозрачной атмосферой. Знаменитых колец Сатурна почти не было видно, поскольку мы находились в плоскости их обращения вокруг планеты. На экране высветились параметры Титана:

«Диаметр спутника 5152 километров, радиус орбиты вокруг Сатурна один миллион двести двадцать две тысячи километров. Время оборота вокруг планеты пятнадцать земных суток. Скорость обращения вокруг планеты 5,57 километров в секунду. Орбита Титана отлична от круговой, с небольшим эксцентриситетом».

Где-то вдали ярко светило Солнце, похожее на шарик для настольного тенниса. По мере приближения к Титану величина спутника Сатурна возрастала, закрывая собой с одной стороны почти все пространство космоса.

На тактическом космолете было еще несколько пассажиров, с которыми я познакомилась еще там, на Ганимеде, где формировалась наша группа. Все это были люди бывалые, поработавшие в нескольких точках Солнечной системы, за исключением самого молодого двадцатипятилетнего, очень любознательного радиофизика Константина Матвеева. Он еще славился тем, что там, где он появлялся, всегда становилось очень шумно. Самый старший из нас – энергетик Марат Григорян летал на Титан не один раз. Это была его четвертая командировка.

– Марат Хачатрянвич, – обратился к нему Костя, – вы уже не первый раз летите на Титан. Какая необходимость срывает вас оттуда на Землю? Жена?

– Нет. Жена у меня на Титане. Если так можно выразиться, сельским хозяйством занимается.

– Так чего вам не сидится на Титане? У жены под боком-то.

– А сами-то на какое время зафрахтованы?

- Пока на три года, а там как получится.
- Вот посидите там год. Сиделка-то и отвалится.
- Это почему?
- Вы, по-видимому, знаете, что гравитация на Титане в семь раз меньше земной?
- Ага. В сорок с лишним раз меньше за счет меньшей массы и в шесть раз больше за счет меньших размеров.
- Все знаешь. Грамотный. А вот о том, что при низкой гравитации мышцы атрофируются, а ноги вытягиваются, не знаешь.
- Это точно, что вытягиваются, – включился в разговор врач Евгений Разуваев, – можно вообще ноги протянуть.
- Была, конечно, небольшая вертушка, – продолжил разговор Марат, – вроде карусели. Но неудобно. Не будешь же все время отдыхать. Приходится время от времени туда на зарядку запрыгивать.
- А вы давно там последний раз были?
- Давно. Лет пять прошло. Там за это время настоящий рабочий цилиндр построили с искусственной гравитацией. Еще при мне начинали.

Я прислушивалась к разговору будущих сослуживцев и время от времени ощущала тоскливый наплыв в душе. Я начинала сопротивляться одиночеству. Настраивала себя на боевой дух. Но стоило только вспомнить, что это сопротивление должно продолжаться восемьдесят лет, как боевой настрой пропал, и я вновь проваливалась в глубокую пропасть тоски. Восемьдесят лет! Ведь это вся жизнь! Восемьдесят лет надо суметь прожить, и, если это получится, то что в результате? Встреча в глубокой старости перед последними шагами в бездну небытия. И все это ради того, чтобы пройти эти шаги вместе. Да, да, да! Пусть последние шаги, но вместе. Эти последние шаги стоят того, чтобы за них отдать жизнь в ожидании.

Из глубины раздумья меня вывел голос командира, прозвучавший в салоне пассажиров.

– Внимание! Космолет выходит на орбиту вокруг Титана на высоте одной тысячи километров на границе со слоем органического газа высокой молекулярной массы. Скорость снижается до первой космической на этой высоте в 1,36 километров в секунду. Идем вдоль экватора. Посадка на возвышенность Ксанаду.

Спуск продолжался 10 часов. За это время космолет сделал несколько оборотов вокруг планеты в густом тумане плотной атмосферы. Наконец космолет, развернувшись рабочими двигателями к спутнику, медленно вошел в широкое отверстие на его поверхности. По времени спуска я поняла, что глубина отверстия не менее десятка километров.

Из подготовительного курса я узнала, что база на Титане расположена на естественном уплотнении многокилометровой толщины. Когда-то раскаленный астероид упал на ледовое покрытие Титана, и, постепенно остывая, проплавил во льду глубокое круглое отверстие. Горячие пары, вырываясь многие годы из отверстия, конденсируясь в воздухе и стекая, образовали нечто, похожее на вулкан с отверстием в центре. Каркас этого отверстия образовался из замерзшей воды и органических соединений: метана, этана и других. Там-то первопроходцы и образовали базу с твердым основанием в виде каменистого тела астероида.

Когда космолет опустился на твердую основу, пассажиры одели космокостюмы и по специальному переходу вошли в небольшой зал, после чего он был наполнен воздухом земного состава с давлением в одну атмосферу. Навстречу новым поселенцам вышел молодой человек, предложил им снять космокостюмы, открыл дверь и предложил по небольшой лесенке пройти в основное помещение.

Идти за провожатым было очень неудобно. В семь раз меньшая сила притяжения не позволяла делать обычные шаги. Нормально шагнув, я подпрыгивала, а потом медленно опуска-

лась на пол. Провожатый расхохотался, глядя на меня. Затем показал, что надо ходить так, как ходят на лыжах.

Я была поражена увиденным. Помещение, куда мы вошли, представляло собой чашу, на дне которой в центре стояли мы. Чаша эта медленно вращалась со скоростью три оборота в минуту. Края этой чаши уходили так высоко, что люди, мельтешащие где-то там в высоте, казались маленькими таракашками, проворно бегающими по отвесной стенке чаши. С увеличением высоты чаша расширялась. Особенно быстро – в нижней части.

– Это что, цветочница? – спросил Костя.

– Похоже, что да, – ответил провожатый, – здесь из таких любопытных, как вы, настоящих первооткрывателей выращивают.

– И как вы их называете? Титанцы? Титанчане?

– Нет, – прервал его провожатый, – титане.

Я посмотрела вверх. Вращалась не только нижняя часть чаши. Вращалась вся конструкция. Где-то наверху в чашу была встроена еще одна, меньшего диаметра, укрепленная во внешней чаше продольными стенками снизу вверх. Как потом выяснилось, в эту вторую чашу были встроены третья, четвертая и пятая чаши. Разглядывая внимательно, что творится наверху, я увидела не только людей, гуляющих по отвесной стене чаши. Я увидела и транспортные средства разной величины, перевозящие грузы.

– Ну, осмотрелись? – сказал провожатый. – А теперь бодрыми шагами за мной.

И пошел в сторону боковой искривленной стенки.

«Ничего себе, – подумала я, – уж не на эту ли гору он нас потащит?». Но сопротивляться было бесполезно. Тем более, что все пошли. Пошла и я.

Я шла и смотрела под ноги. «Как бы не шлепнуться, да не покатиться с этой горы». По мере удаления от центра чаши я заметила, что эффект кошачьей прыгучести за счет малой гравитации постепенно пропадает. Напротив, мышцы ног начинают напрягаться, примерно так, как им приходится напрягаться на Марсе. Еще через некоторое время я ощутила обычную земную тяжесть. Я обернулась туда, откуда мы пришли.

«Вот это чудеса!» – подумала я.

Чаша кончилась, и я стояла теперь на боковой поверхности огромной трубы. Труба не стояла дыбом снизу вверх, как это нам представлялось там, внизу, а лежала. Отверстие, в которое мы вошли, оказалось сзади.

– Здесь пока искусственная гравитация составляет 0,8 земного тяготения. Еще немного, и мы почувствуем себя на Земле, – сказал провожатый.

В это время мы подошли к тому месту, где сверху, в виде потолка, начиналась другая труба меньшего диаметра, являясь продолжением второй чаши.

– Вот, наконец, и потолок, – улыбнулся провожатый, – над этим потолком следующий. И так далее – получился многоэтажный дом.

Между полом и потолком протянулась вдоль всей длины трубы стенка, с большим количеством дверей и ворот в различные помещения. Мы вошли в одну из дверей и попали в кабинет, обставленный мебелью, аппаратурой связи, шкафами с документами.

– Здравствуйте, дорогие пришельцы, – раскрыл объятия упитанный, розовощекий гражданин, будто хотел обнять нас всех сразу.

Мы закивали головами.

– Я – здешняя кадровая служба, – представился он, – зовут меня Максим Максимыч. Рассаживайтесь, я вам сейчас кое-что расскажу о том, куда вы попали.

Максим Максимович улыбнулся, довольный своей шуткой, и продолжил:

– Среди вас есть один старожил Марат Григорян. Он знаком с нашей жизнью, но, учитывая, что за пять лет его отсутствия здесь многое изменилось, я, пожалуй, включу его в число наших первоклассников в части ознакомления с обустройством базы. Кое-что вы, конечно,

знаете. Но знание это дает только представление, а вот ощущение, осязание создают незабываемые впечатления. Вы это уже, как я понимаю, ощутили.

Первым строителем сегодняшней базы был огромный астероид, который много сотен тысяч лет назад клюнул наш спутник и пробуравил дырку в ледовом покрытии для нашего размещения. Не было бы его, не было бы твердой основы для базы, вся тепловая энергия нашей деятельности разогревала бы наше обиталище, и мы постепенно утонули бы в своих достижениях.

Это первое.

Второе. В начальной фазе нашей работы первопроходцы со временем теряли тонус мышц, расстраивалась сердечно-сосудистая система – из-за того, что сила притяжения Титана в семь раз меньше привычной нашему организму.

– С хвостиком, – не выдержал Костя.

– Что с хвостиком? – уставился на него Максим Максимович.

– В семь раз с хвостиком.

– А, вон вы о чем. Но этот хвостик нас не спасает. Так вот. Несмотря на хвостик, пришлось менять состав коллектива станции один раз в два года, а то и чаще.

Представим себе вращающийся цилиндр, установленный перпендикулярно к поверхности Титана. Но тогда, достигнув за счет вращения цилиндра привычной для нас силы тяжести, мы обнаружили бы, что полы имеют наклон около восьми градусов за счет естественной силы притяжения Титана, то есть нас притягивает под углом к ровной поверхности.

Для того, чтобы исключить это неудобное явление, мы выполнили вращающийся цилиндр, поставленный перпендикулярно поверхности Титана, сначала в виде чаши.

Чаша расширяется, искусственная сила тяжести увеличивается, и края ее становятся круче и круче. Когда диаметр чаши достигает двухсот метров, то при скорости вращения цилиндра в три оборота в минуту искусственная сила тяжести становится равной силе земного притяжения. Дальше можно заменить сложную форму чаши простой формой трубы. А как же быть с теми восемью градусами, возникающими за счет гравитации Титана? Да очень просто. С момента достижения искусственной силы тяжести, равной земному притяжению, чаша приобретает форму не трубы, а рупора с наклоном боковой стенки как раз на эти восемь градусов. Мы опять приобретаем ровную поверхность пола. Но не все так просто. С увеличением высоты рупора диаметр его увеличивается и, соответственно, увеличивается искусственная сила тяжести за счет увеличения скорости при сохранении количества оборотов цилиндра в минуту. Поэтому пришлось через каждые пятьдесят метров высоты цилиндра уменьшать раскрыв рупора до первоначальной величины и делать небольшие эскалаторы для перехода персонала и рифленые съезды для транспорта. Мы эти участки в пятьдесят метров называем секциями.

Есть еще одна особенность в этой конструкции. Там, где величина силы гравитации не имеет существенного для нас значения, там мы используем полезную площадь для других целей: автоматические системы управления, складское хозяйство, агротехнические комплексы, ремонтные мастерские с роботами в качестве исполнителей, и прочее. Для этого в рупоре есть еще рупор, у которого радиус обращения вокруг центра меньше, скорость перемещения стенок рупора меньше и, следовательно, искусственная сила тяжести тоже меньше. Естественно, что предусмотрены конструкции переходов с этажа на этаж.

– Простите, Максим Максимович, – обратился к нему врач Евгений Разуваев.

– Да, да, пожалуйста.

– На какую высоту вознеслась эта конструкция?

– Пока на семьсот метров.

– Представляю себе, что будет, когда что-нибудь произойдет с двигателями, и конструкция перестанет вращаться, – произнес взрывник Василий Петрович.

– Ничего особенного, – тут же среагировал Костя, – мы сначала по инерции покатаемся со скоростью в сто километров в час по остановившемуся полу, а потом завертимся в хаотическом движении, обгоняя друг друга и стремясь опять-таки к той дырке, в которую вошли. Я уже сосчитал: с высоты, например, в двести метров мы будем лететь с ускорением в 1,35 метров в секунду за секунду, ни много ни мало, 17 секунд и влетим во входную дверь со скоростью 23 метра в секунду, что равносильно 83-м километрам в час. Это все равно, что прыгнуть без парашюта с крыши многоэтажного дома на родине человечества Земле.

– Кости соберем, – констатировал врач Разуваев.

– Я понимаю, – прервал дискуссию Максим Максимович, – но я должен добавить пару фраз к сказанному, потом накормить вас нашими деликатесами, а уж потом совершить путешествие по всем площадям базы и решить другие вопросы. А добавить я хотел следующее: принято решение прекратить наращивать высоту конструкции. Но не по той причине, которую красочно нарисовал нам Константин Георгиевич, а по причине усложнения требований к ее устойчивости. Однако база разрастается, и рядом будет строиться еще одна такая конструкция, а также совершенствоваться подледный космопорт, который вы так и не успели разглядеть. Что же касается аварийной ситуации, то в конструкции предусмотрен выброс сетей на разных уровнях, в которые вы, молодой человек, попадете, не успев набрать скорость. Итак, встали и бодрым шагом в столовую.

Еще одна дверь, и мы в обширной столовой. И снова масса неожиданностей.

Во-первых, я увидела только кресла, по-видимому, намертво укрепленные к полу. В соседнем помещении через открытую дверь было видно большую по размерам кухню, где несколько поваров готовили ужин для обитателей Титана.

Когда мы подходили к креслам, со стороны кухни к нам устремились тележки с ужином. Каждая из них заняла место между четырех кресел. Во-вторых, вопреки ожиданиям, на столе были не банальные консервированные кушанья. Здесь все было, как в хорошем кафе. От фарфоровой кастрюли с половником распространялся запах куриного супа, возбуждающий аппетит. На второе предлагалось филе семги с жареным картофелем. И, наконец, на столе стояли несколько графинов с различными соками и ваза со свежими фруктами.

– Ну, что будем делать после обеда? – спросил ведущий, приставленный к нам Максимом Максимовичем, – сразу в свой номер на отдых или осмотрим наши достопримечательности?

– Осмотрим, осмотрим, – бурно выразил общее мнение Костя.

– Остальные как?.. Молчание – знак согласия. Должен сказать, что здесь, как в большом музее, можно прогуливаться часами, а то и сутками. Поэтому я вызываю из транспортного цеха самокат, и мы с ветерком покатаемся.

Действительно, откуда-то вдруг появился небольшой автобус, и мы покатались в верхнюю, то есть, по нашему ощущению, в правую сторону.

– Вот здесь по кругу ваши кабинеты. На обратном пути вы там разместитесь.

– А душ там есть? – любопытствовал все тот же Костя.

– У вас нюх хорошей гончей, – ухмыльнулся провожатый. – Взгляните вон туда.

В том месте, куда ехали, мы увидели еще одно чудо. Труба, в которой мы находились, была опоясана широким кольцом рукотворной реки. В отличие от обычной реки, у нее не было ни начала, ни конца. Кольцо и есть кольцо. Только диаметром двести метров и шириной метров тридцать.

– Здесь вы будете купаться после утренней зарядки, здесь же можно померяться силами в заплывах. К берегам реки примыкают базы байдарок, шлюпок и прочих развлекательных принадлежностей.

Наш трамвайчик подъехал к выгнутому дугой раздвижному мостику через реку.

– Когда будем въезжать на мостик, постарайтесь покрепче взяться за подлокотники.

– А что будет?

– Можете вылететь с транспортного средства и запорхать бабочками.

Действительно, когда трамвайчик достиг середины моста и мы оказались над речкой, я почувствовала, что теряю в весе.

– А пешком по мосту можно пройти? – спросил неугомонный Костя.

– Можно. Только осторожно.

– И прыгнуть с моста можно?

– Прыгнуть можно. А вот куда запрыгнешь, неизвестно.

Когда трамвайчик уже находился у другого берега, провожатый бросил из окна вниз мячик. Ветерок подхватил его и закружил по большому кругу вдоль реки. Мячик постепенно приближался к поверхности реки. Круг, по которому он обращался вокруг оси цилиндра, расширялся, и у самой реки мячик вдруг с высокой скоростью ударился о поверхность воды.

– Вот, видишь, что может случиться? Видели, как шарик делал круги, приближаясь к реке? Так это не шарик крутился по кругу. Он летел туда, куда я его толкнул. А крутились на самом деле вокруг оси цилиндра мы. Вот в чем особенность. Самое безопасное место там, наверху, на оси вращения цилиндра. Там нет искусственной гравитации. Любой предмет по мере приближения к корпусу цилиндра, в данном случае к реке, начинает обращаться по все большему и большему кругу со все большей скоростью. Хорошо, если попадет в воду. Покувыркается, как будто его выбросили в воду на скорости в сто километров в час, и выплывет. Ну, а если промажет, то будет кувыркаться по полу, или, еще хуже, проедется по стенке с дверями в рабочие кабинеты. Обычно, для удобства перемещения через реку, используется выдвижной мост на уровне поверхности воды. А вот такой выгнутый выдвижной мостик используется только во время каких-либо соревнований, чтобы не мешать движению по кольцу, или для проверки работоспособности надводных или подводных аппаратов при подготовке их к экспериментальным выходам на поверхность Титана. Таких вот водных бассейнов на базе три. Это первый.

Увлекательное путешествие продолжалось. Сначала новички попали в благоухающие оранжереи, где на разных этажах с пониженной искусственной гравитацией созревали овощи и фрукты, колосились поля злаков, раскинулись ягодные, клюквенные плантации. Посетили рыбное хозяйство. В огромных аквариумах плавали все известные на Земле виды промысловых рыб, кроме хищников.

Спустившись на уровень обитания людей, новички посетили животноводческий комплекс, где в большом количестве ферм выращивалась различная живность – от кроликов, гусей, свиней до крупного рогатого скота.

– Работают в основном роботы. Люди только организуют, налаживают аппаратуру доставки и обработки пищи, – пояснил провожатый.

– А где места отдыха? – спросил Разуваев.

– Отдыхают в парках, фруктовых садах. Есть театр, есть индивидуальные кабины, где каждый может заказать виртуальную игру, в которой сам может принять участие. Есть спорткомплексы. Молодежь устраивает соревнования. Но это все потом. Потом вы познакомитесь с производством, с энергетическим хозяйством, а сейчас... сейчас надо определиться с рабочими местами.

Группа двинулась к началу своего путешествия, туда, где над первым этажом появился второй.

– Сейчас мы зайдем к начальнику отдела специализации кадров. Подумайте не только об основной работе, но и о совмещении обязанностей, в случае необходимости. Ясно?

– Ясно, ясно, – ответили все дружно.

Вошли в кабинет, обставленный аппаратурой визуальной связи с подразделениями поселения. За столом сидел усатый, бородатый человек и что-то бурчал себе под нос. Показался он сначала недоступным сердитым начальником.

Новички сгрудились у стола, перешептываясь. Точно, сердитый.

Но, когда он поднял глаза и пригласил всех присесть, настроение новичков сразу изменилось. Его прищур излучал доброту сильного мужественного человека.

– Давайте знакомиться. Михаил Егорович Егоров.

Он протянул руку каждому и выслушал имена прибывших.

– Ваши мамаша и папаша сделали ошибку, – сказал шустрый Костя.

– Какую? – удивился Михаил Егорович.

– Надо было родить не Михаила, а Егора.

– И что?

– Тогда вас можно было бы называть просто Егором Третьим.

– Может быть, вы и правы. Только меня мой отец Егор Михайлович решил назвать Михаилом в честь своего отца. Как раз, когда я родился, дед Михаил умирал. Вот я как бы на замену деду и явился. Ну, что ж. Как добрались?

– Без приключений, – за всех, как всегда, ответил Костя.

– Это хорошо. Когда мы начинали, без приключений не обходилось. Что вас побудило приехать сюда? Любовь к познаниям, приключениям, а может быть, житейские обстоятельства?

Последние слова он сказал, глядя мне в глаза. И я сразу прочитала его мысли. Уходить от прямого ответа было бессмысленно, и я ответила:

– Вы правы – в основном житейские обстоятельства. Но это не все. Есть еще причины. Я биолог по образованию, и меня по роду деятельности интересует развитие живых организмов в различных средах.

Михаил Егорович нажал кнопку связи с биологической лабораторией. Рядом появилась голограмма человека среднего роста и средних лет с каштановой шевелюрой, голубыми глазами, одетого в белый халат.

– Вот, Владимир Владимирович, удовлетворяю вашу просьбу. Появился помощник со стажем работы и желанием разобраться в многообразии живого мира.

Владимир Владимирович взглянул на меня.

– Спасибо, Михаил Егорович. Очень рад. Здравствуйте, – повернулся он ко мне, – я Владимир Владимирович.

– Очень приятно. Я Алена Марковна.

– Надеюсь, вы работаетесь, – с оттенком начальственной строгости в голосе произнес Михаил Егорович. – Теперь давайте поговорим с вами, Евгений Амбарцумович. Вы врач-хирург?

– Не только. При подготовке к экспедиции я прошел хорошую школу как ревматолог и невролог.

– Вы даже не представляете, Евгений Амбарцумович, как кстати вы здесь появились. Мы только что потеряли классного врача вашего профиля. А теперь должны решить еще одну не решенную пока задачу: кто будет вам ассистировать?

– Это ненадолго, Михаил Егорович. Со следующей группой сюда приедет моя жена – тоже хирург. Мы с ней все время проводим вместе. Даже познакомились у операционного стола.

– Это, конечно, хорошо, но сейчас?

– Сейчас я могу помочь, – сказала я. – Я не хирург, но медик по образованию. Это моя вторая специальность. Нужно только потренироваться.

– Прекрасно, голубушка, прекрасно. С Владимиром Владимировичем мы договоримся.

Михаил Егорович вызвал главного врача. На голограмме появился маленького роста, лысенький, подвижный и все время улыбающийся человек.

– Абрам Исакович, знакомьтесь с вновь прибывшим хирургом Евгением Амбарцумовичем. В скором времени появится и ассистент – его жена, а пока помогать ему будет медик по образованию Алена Марковна.

Костя усилиями Михаила Егоровича влился в коллектив молодых радиофизиков. Взрывник Василий Наумов встретился с руководителем производственного подразделения. Для встречи с энергетиком Маратом был вызван главный энергетик академик Семен Валентинович. Встреча была радостной. Оказалось, что Марат Григорян был когда-то студентом ВУЗа, где атомную энергетику преподавал Семен Валентинович. Между ними сразу же возник разговор о количестве и назначении атомных реакторов, а также об особенностях конструкции малогабаритной установки синтеза водорода в гелий – ТОКАМАК.

Напоследок Михаил Егорович поздравил вновь прибывших, пожелал им успехов в работе и заявил, что в связи с введением в строй цилиндра обитания, обеспечивающего искусственную гравитацию, равную земной силе притяжения, базе требуется укомплектовать много рабочих мест. Он заверил присутствующих, что поселение на Титане в ближайшее время будет разрастаться.

С этим напутствием группа вновь прибывших специалистов направилась осваивать предназначенные для них жилища.

Мой бытовой кабинет. Наушник – приемопередатчик для разговоров с любым из известных мне номеров сотрудников. Нужно только назвать номер, и абонент на связи. Номера с именами сотрудников и служб высвечиваются на противоположной стене. Эту таблицу необходимо выучить наизусть, как таблицу умножения. Впрочем, абонента можно вызвать и по имени.

Рядом с моим – кабинет Владимира Владимировича. Для нашей работы – небольшой рабочий зал микробиологов, насыщенный различной аппаратурой. Двери в зал – непосредственно из наших бытовых кабинетов. Медицинские помещения занимают весь наш ряд по кольцу. Кабинет врача Евгения Амбарцумовича находится рядом.

Вот я и одна. Три часа отдыха, и я должна пойти к моему коллеге Владимиру на первую деловую встречу. Из четырехсот человек поселения нас, биологов, всего четыре. Может быть, когда мы обнаружим что-нибудь новенькое из истории развития живого мира, сюда хлынут массы желающих поучаствовать в сенсационных открытиях.

Я уже имела опыт исследований в условиях, похожих на здешние. Это была моя первая экспедиция на такой же, как Титан, обледеневший спутник Юпитера Европы. В недрах ледовых разрезов я обнаружила заледеневшие бактерии начала протерозойского периода. Новизны в этих находках, с точки зрения развития живого, ученые не нашли, поскольку два с половиной миллиарда лет назад такие же бактерии населяли Землю. Но наличие похожих бактерий, живших миллиарды лет назад на спутнике Юпитера Европе, ученых потрясло.

Для меня вопрос стоял так: поскольку между твердым каменистым ядром Титана и ледниковой его поверхностью существует большая прослойка жидкой воды и других соединений в жидком состоянии, то за миллиарды лет развитие глубинной жизни могло привести к созданию неизвестных живых существ, в том числе и обладающих развитым сознанием. Все это я через три часа изложу своему компаньону.

А сейчас? Сейчас меня неудержимо потянуло к Андрею. Я закрыла глаза и представила себе самого дорогого мне человека на Земле, в космосе и во Вселенной. Вот он сидит за столом и перелистывает какие-то бумаги. Остановился. Затих, как будто почувствовал мой взгляд, резко повернулся, и наши глаза встретились. Он встал, подошел ко мне и опустил на колени. Во взгляде радость, счастье, колодец любви.

– Милая! Здравствуй! Как я соскучился!

– Я тоже скучаю. Ты мне снишься. Когда приходит время вставать, я изо всех сил стараюсь не просыпаться. А когда все-таки приходится проснуться, я на прощанье машу тебе рукой и говорю: «До встречи, милый». И ты мне отвечаешь: «До встречи, любимая».

– Мы закончили шестимесячный разгон. Перешли на полет по инерции. Солнце светит звездочкой. Триллион километров не шутка.

– Я очень переживала расставание с тобой. Душа разрывалась. Если бы я была космической птицей, я бы полетела вслед за тобой.

– Аленушка, милая, не поддавайся. Время нас разлучает, но оно же должно и сгладить тяжесть разлуки, успокоить. Надо надеяться и работать.

– Да, да. Я сейчас на базе Титана. Хочу углубиться в работу, начатую на спутнике Европа. У меня предчувствие, что я здесь что-то найду.

Глаза в глаза. Мы слились воедино, и я почувствовала прикосновение горячих губ.

– До свиданья, Аленушка, чувствую, что сейчас к тебе придут.

– До свиданья, Андрей. Давай встречаться чаще.

– Да, да. Чаще. До встречи.

И он, помахав мне рукой, стал полупрозрачным, а затем и совсем пропал из виду. Но я знала – мы чувствуем друг друга. Всегда.

Он знает, о чем я думаю. Даже когда он занят работой, мои мысли, мои чувства откладываются в нем, и, освобождаясь от неотложных дел, он воспроизводит то, что я думала, что я хотела ему сказать.

Он ушел, а я продолжала думать о нем, беседовать с ним.

Скажи мне, Андрей, насколько велика разница между живой и неживой материей? Как похожи на живых некоторые минералы агаты, на срезах которых мы видим, как зарождается новый образец в недрах родителя, разрастается и начинает медленно двигаться к краю. Проходит время, и этот маленький образец выходит из родительского тела на поверхность, отделяется от него и начинает самостоятельно развиваться. Процесс этот можно проследить по множеству срезов многих образцов, поскольку он проходит в течение многих веков. Примерно таким принципом мы пользуемся при изучении процессов рождения и гибели различных по величине звезд в космосе. А может, все это тоже жизнь?

Если при температуре в тысячи градусов по Цельсию существует жизнь на базе кремний-органических связей, то, разглядывая твердые останки этой жизни в наших условиях, мы с трудом поверим, что это фрагмент тоже был жив. Условия в природе разнообразны, и жизнь, которая приспособляется к этим условиям, тоже должна быть разнообразной. Эта жизнь может быть разнообразной по своей структуре, форме, продолжительности бытия.

Человек приступил к познанию мира, космоса, Вселенной. Он, как птенец, разбивающий скорлупу яйца, вдруг обнаруживает огромный мир непознанного. Познавая этот мир, он будет спотыкаться, обжигаться, погибать и возрождаться в детях и внуках, пока не найдет пути и способы осознанного восприятия этого многообразия в проявлении жизни.

Ограниченные в познании, мы ошибочно представили себя совершенством и только сейчас начинаем понимать, что, возможно, это ошибка. Права ли я, Андрей? А если нет, то где?

Мои мысли прервал искрящийся свет над дверью. «Кто-то хочет войти».

2.3 Андрей

В свободное время я уходил в свой кабинет и старался сосредоточить внимание на образе Алены, которая через несколько месяцев после моего отлета тоже вошла в состав экспедиции на Титан, рассчитанной на несколько лет. Узнал я это из наших молчаливых разговоров. Прошло немного времени, и эта информация подтвердилась вполне материально по быстродействующей еще тогда между нами радиосвязи.

А сейчас я лежу и слушаю тебя. Скорее, не слушаю, а впитываю в себя твои мысли, образы, чувства. Да, действительно, в нашей науке органика и неорганика четко разграничены. Процесс зарождения жизни четко доказан теоретически и подтвержден практически. Но... ты права. Правильно ли мы сформулировали проявление жизни? Может быть, мы приняли за жизнь только одну из граней ее проявления? Ведь то, что мы с тобой общаемся на огромных расстояниях со сверхсветовой скоростью, противоречит требованию энергетического, материального способа передачи информации. Материя инерционна, передача ее требует затрат энергии для преодоления инерции. Значит, наша информационная связь не материальна, безынерционна. Иначе бы она распространялась в пределах скорости света и с увеличением расстояния затухала. Это непонятно и мне, и многим другим, особенно тем, кто не награжден реликтовым счастьем передачи напряжения нервной системы, чувств, мысли на расстоянии.

Если честно, мне наплевать на то, что это мне непонятно. Я счастлив, что это непонятное есть. И еще большее счастье в том, что мы оба награждены этим непонятным. Именно оно объединило нас и сохраняет наше единство.

Я очень рад за тебя. Но чувствую какую-то тревогу за вас всех. Будь начеку, милая моя. Ты одна наделена среди поселенцев даром предвидения. Это накладывает на тебя большую ответственность.

Моя предыдущая экспедиция была насыщена трагическими событиями. За те пятнадцать лет, пока мы на аварийном корабле добирались до Земли, я открыл в себе этот дар, и множество раз спасал экспедицию от неминуемой гибели.

Космос тих и прозрачен. Но он непредсказуем и опасен. Будь сильной, не поддавайся панике, чувствуй ответственность за всех. И тогда все получится. И не забывай, особенно в трудную минуту, что мы с тобой вместе, мы одно единое. Я тоже почти физически ощущаю твою близость. Мы выдержим. Мы победим и пространство, и время.

2. 4 Алена

Я встала, нажала кнопку на столе. Дверь открылась. В комнату вошел Владимир.

– Как вы себя чувствуете? Отдохнули?

– Да, вполне.

– Я зашел к вам, чтобы пригласить в нашу лабораторию. Ознакомьтесь с оборудованием и еще с двумя сотрудниками нашей лаборатории.

– Спасибо, Владимир. Я готова.

Когда подходили к двери в лабораторию, Владимир попросил меня взглянуть на круглое пятно над дверью. При этом он нажал кнопочку на небольшой коробочке. Дверь открылась.

– Теперь эта дверь всегда будет открываться при вашем взгляде на это пятно, – сказал Владимир, передавая мне коробочку.

– А куда мне ее девать?

– Куда хотите. Передадите новому хозяину в будущем, когда потребуется зафиксировать идентификацию его зрачков.

В лаборатории меня встретили лохматый биолог в очках с большими диоптриями и молодая лаборантка лет восемнадцати.

– Марк Ицкович, профессор, – представился лохматый, – работаю здесь двадцать лет с перерывами. Теперь, в новых условиях, перерывы исключу.

– Очень приятно. Алена Марковна, старший научный сотрудник.

– А я Маша, лаборантка, помогаю папе, – взглянула девушка на Марка Ицковича.

– И давно помогаете? – спросила я.

– Десять лет помогаю.

– Значит, ты здесь все знаешь?

– Да-а.

– Ну, тогда показывай свое хозяйство.

Два часа эти три совершенно разных человека наперебой рассказывали мне о своей работе, показывали сложное оборудование, включая электронные микроскопы, позволяющие заглянуть в структуру молекул, аппаратуру для вмешательства в ДНК живых организмов и многое другое. По окончании кругового обзора расселись за круглым столом, и Владимир изложил результаты исследований и планы на будущее.

– А вы знаете, – обратился Владимир ко мне, – мы на глубине трех километров ледового покрытия нашли те же бактерии, что и вы на спутнике Европа. Это говорит о том, что на Земле, спутниках Юпитера и Сатурна были когда-то одинаковые природные условия.

– Вы не пробовали заглянуть в глубины Титана? – спросила я.

– Инструментальным путем – да. В частности, с помощью ультразвуковых генераторов. Подтвердились данные, полученные еще сто пятьдесят лет назад. Действительно, твердое каменное ядро Титана диаметром в три с половиной тысячи километров, покрытое толстым слоем льда, омывается глубинным океаном жидкой воды в смеси с большим количеством солей. Наружный слой мантии состоит из ледяной корки воды, метана, этана и других соединений. Под действием радиоактивного излучения мантии, а также приливных сил Сатурна образуются криовулканы, которые пробивают стокилометровый слой льда, и жидкость выплескивается наружу, образуя водяные склоны и метаноэтановые реки. Реки периодически замерзают и оттаивают. Происходит это, как правило, в северной части Титана.

– Мы запускали автоматизированные зонды через выбросы вулканов, – добавил профессор, – но они бесследно исчезали, достигнув глубинного океана. Вместе с вашей группой на базу прислали четыре батискафа, способных выдерживать высокое давление. Теперь будем обдумывать план действий.

– Я думаю, – сказала я, – нужно в первую очередь проверить работоспособность батискафов в северных озерах, оценить маневренность, степень активной защиты и после этого сформировать группу, состоящую из пилота, биолога, врача и радиофизика для экспедиции под ледяную корку Титана. Желательны члены группы с двойными, тройными профессиями.

Решили обратиться к руководству с таким планом: два-три дня на изучение материальной части оборудования, в том числе и батискафа. После этого пробный выход в метановые озера в северной части Титана.

На следующее утро Владимир собрал группу биологов и объявил, что получил разрешение на подготовку к путешествию вглубь спутника. Теперь было необходимо согласовать кандидатуры участников путешествия с Михаилом Егоровичем.

Команда пилотов, освоивших ранее доставленные средства передвижения по поверхности и в глубине озер, была достаточно многочисленна и хорошо подготовлена. Михаил Егорович предложил выполнение подготовительных походов двум опытным пилотам: сорокалетнему Ивану Шарапову и двадцатилетнему Сергею Гришину. В качестве врача был рекомендован тридцатипятилетний врач-терапевт Василий Никонов, отличающийся всесторонним физическим развитием, бывший чемпион мира по вольной борьбе. Радио-физиков оказалось двое: известный связист Николай Берг, участвующий в нескольких экспедициях по близлежащим озерам и рекам, а также понравившийся начальнику своим неутомимым оптимизмом Костя. В состав группы были введены также энергетик Рафкат Булатов и взрывник Василий Петрович.

При выборе биолога решение принималось не сразу. Претендентов было двое: Владимир и я. Большинство ответственных за формирование экипажа лиц предпочтение отдавало Владимиру, как наиболее известному на поселениях. Профессор не рассматривался по причине плохого зрения, моя кандидатура – по причине отсутствия опыта.

Я попросила дать мне слово. Дали.

– Я приехала сюда, – заявила я, – чтобы продолжить работу, которую начала еще в глубинах спутника Юпитера Европа. Моя цель – разобраться с уровнем развития живой материи на Титане. Если не получится в этот раз, я обязательно добьюсь участия в такой экспедиции в другой раз. У меня достаточно впереди времени, я могу и подождать.

– А каковы ваши результаты исследований на Европе?

Я рассказала.

– Так вы и есть та самая Миловская, которая опубликовала статью в «Вестнике биологии», взбудоражившую научную общественность? – спросил Михаил Егорович

– Да, это я.

– Это меняет дело, – заявил он, – единственное, что меня смущает, это то, что вы еще не обжились в условиях Титана.

– Я согласна с вами, но у меня есть контраргумент, который, по некоторым причинам, я бы хотела сейчас раскрыть только вам.

– Да-а-а, – задумался Михаил Егорович, – заявление весьма шокирующее. Друзья, давайте поступим так: мы уже почти убеждены в том, что в нашем новом сотруднике нашли участника экспедиции. Если новая информация из уст Миловской окончательно утвердит мое решение, будем считать это решение общим.

– Хорошо, – согласились члены комиссии.

Когда все ушли, я внимательно взглянула в его, как мне показалось, измученные глаза, расслабила нервы и легко почувствовала заботы, которые уже несколько дней терзали его. Я закрыла глаза и увидела женщину, лежащую на больничной койке. Немного расширив видимость, я поняла, что женщина лежит в реанимации. Значит, после успешной операции.

– Михаил Егорович, как вы относитесь к таким явлениям, как телепатия?

– А никак. Я материалист, атеист, но не воинствующий. То, что наука доказала много раз, я принимаю за истину. То, что интересно и важно для уровня понимания и расширения знаний, но ускользает от практического доказательства – гипотеза. Я не осуждаю людей, которые бьются над овладением гипотез, но сам пока занимаюсь практически полезной работой. А причем тут это?

– Вы, Максим Егорович, не переживайте по поводу вашей супруги. Операция прошла успешно. Сейчас она в реанимации. Очень скоро вам сообщат об этом по связи, с Земли.

В глазах Максима Егоровича заиграли сразу два чувства: удивление и искры надежды.

– Я вижу, Максим Егорович, что вы, как человек не суеверный, не можете принять мое известие за истинную правду. Так вот, я должна вам сообщить, что ничего суеверного тут нет, а есть объективная реальность, которую мы еще не разгадали. Кстати, сейчас к вам идет секретарь со стаканом вашего любимого чая с лимоном.

В кабинет вошла Наташа со стаканом чая и блюдечком с печеньем.

– Спасибо, Наташа, – сказал Михаил Егорович. – Ну, а еще чем-нибудь удивите? – обратился он ко мне.

– А еще вы забыли позвонить Максиму Максимовичу, чтобы он сообщил вам какую-то важную информацию.

Михаил Егорович приготовился сделать глоток горячего чая, да так и не сделал этого, оставшись с раскрытым ртом.

– Точно, забыл! О времени поступления новичков. Сейчас позвоню.

Он поправил наушник и произнес:

– Максим Максимович, график поступления новичков готов? Когда прибывает следующая группа? Спасибо. Алена Марковна, – обратился он снова ко мне, – так если все это объективная реальность, а не фокус, то почему вы скрываете свои способности?

– Во-первых, не всегда получается, и можно прослыть несерьезной. Во-вторых, явление это необъяснимо, и таких, как я, в древности сжигали на кострах. Тем не менее, по мере приближения опасности я принимаю меры для ее предотвращения. Очень часто попадаю в точку. Вот почему именно я должна быть в составе команды.

В это время в наушнике Михаила Егоровича прозвучали слова, которых он давно ждал. Он несказанно обрадовался, вскочил с кресла, потом опять сел и возбужденно заговорил:

– Спасибо, спасибо вам. Как она? Я вас очень прошу, дайте нам возможность сказать друг другу пару слов. Ну, вот, – улыбнулся он мне. – Полтора миллиарда километров. Через полтора часа надеюсь услышать ее голос. Видите, какая у нас примитивная связь. Не то, что у вас.

Видя, что Михаил Егорович успокоился, я спросила его:

– Могу ли я надеяться на включение в группу исследователей глубинного океана?

– Конечно, голубушка, можете. Правда, мне бы не очень хотелось рисковать таким феноменом. Но что поделаешь. Вас ведь не удержишь.

– И еще: Михаил Егорович, не раскрывайте пока мою тайну. Иначе мне здесь будет невозможно работать.

– Да, да. И все-таки я, как твердый материалист, не могу принять за истину это явление.

– Вот и хорошо. Пусть это будет пока гипотеза. Но в нашей развивающейся цивилизации любая гипотеза со временем становится или истиной, или ошибкой.

Итак, два дня на ознакомление с техникой. Нашу группу собрали в небольшой трамвайчик и повезли в верхнюю часть цилиндра. В последней секции нас ждал внушительного вида аппарат, способный перемещаться по ледовым и водным просторам Титана на воздушной подушке. В случае необходимости вездеход мог на вертолетной тяге подняться в воздух. Учитывая, что сила тяжести на Титане в семь раз меньше земной, а атмосферное давление в пол-

тора раза выше, подъем с поверхности требовал значительно меньших размеров вертолетных лопастей.

Поднявшись в воздух, вездеход может включить ракетную тягу и развить большую скорость. Иван Шарапов показал нам размещенный в грузовом отсеке вездехода батискаф, по форме напоминающий большую акулу. Диаметр батискафа составлял четыре метра, длина – двадцать метров. Выполнен он был из материалов очень малой теплопроводности.

– Все, что окружает батискаф, – говорил нам Иван, – отображается внутри многочисленными экранами. Кроме того, батискаф обладает датчиками объемного видения. Когда кто-то хочет почувствовать себя в водной бездне, он может надеть специальный шлем, нажать определенную кнопку на правом рукаве космокостюма и оказаться виртуально в окружающей его водной стихии.

Меня заинтересовала возможность использования управляемых лап батискафа, с помощью которых можно поймать в окружающей среде нечто, плавающее рядом, и отправить это в грузовой контейнер.

На ознакомление с батискафом у нас ушло два дня. И, наконец, наступил момент выхода на поверхность спутника.

Мы надели на себя теплозащитные космокостюмы. За плечами – баллоны с воздухом, индивидуальные мини-вертолеты и ракетные двигатели, для того, чтобы, в случае необходимости, можно было добраться до базы. Пилоты заняли свое место, мы расположились в мягких креслах вездехода. В верхней секции базового цилиндра обитания, экранированной от остальных секций, вскрылись верхние крышки, и мы вылетели в ледяную трубу, проплавленную когда-то астероидом. По мере взлета на экранах можно было видеть площадку, на которой расположилась база. Неподалеку от цилиндра обитания расположился небольшой космопорт для посадки тактических космолетов. Рядом с вращающимся цилиндром видна была площадка строительства еще одного цилиндра.

Через несколько минут вездеход вылетел из трубы и стал набирать высоту.

– Внимание, – раздался голос Ивана Шарапова, – для проведения экспериментального заплыва в глубинах озера необходимо пролететь в северном направлении две тысячи километров. Высота полета двести километров, там, где меньше плотность воздуха. Скорость с использованием ракетного двигателя семьсот километров в час.

Три часа мы наблюдали сверху небольшие ледовые возвышенности, ручьи, мелкие озера метана, этана. Изображения деталей поверхности были размыты плотной атмосферой оранжевого цвета. Наконец, мы увидели огромное море.

– Размеры поверхности этого моря, – сообщил Иван Шарапов, – превышают размеры Каспийского моря.

Иван сделал круг, выбрал место на круглой, в виде блина, ледяной поверхности на берегу моря и посадил вездеход.

– Температура воздуха минус сто семьдесят градусов по Цельсию, – сообщил Иван. – Море из жидкого метана и этана. Как только температура снизится до минус ста восьмидесяти двух градусов, море начнет замерзать.

Второй пилот Сергей Гришин пригласил всех, кроме Ивана, в батискаф. Мы забрались через узкую дверку в корпус батискафа, дверка герметично закрылась, батискаф скатился на водяную льдину и съехал в море. Метан-этановая смесь забурлила, вокруг батискафа поднялись клубы пара, которые быстро охлаждались и выпадали в море в виде дождя. Батискаф нырнул и поплыл в глубине моря. Глубина не увеличивалась.

Мы бороздили морские глубины час, другой. Набирали максимальную скорость сто пятьдесят километров в час, выпрыгивали из глубин и парили над поверхностью моря на воздушной подушке, садились на ледовое дно моря – ничего интересного. Пусто.

Вернулись к вездеходу. Полетели обратно к ближайшему действующему криовулкану. Гора замерзшей воды, в центре которой на высоту сто метров бьет струя воды, превращаясь на лету в град. В двухстах километрах второй криовулкан.

– Будем наблюдать, – сказал Иван, – а пока потренируемся в индивидуальном перемещении. Выползай, ребята, на природу!.

Сначала летали старожилы, показывая класс управления индивидуальными летательными аппаратами. Врач Василий выделял кренделя в стиле мертвой петли. После этих показательных полетов подошла очередь новичков, то есть нас с Костей. Остальные на страховке. Я включила заплечный мини-вертолет и полетела. Кое-какой опыт, полученный в ограниченном пространстве базы, у меня был, но то, что я ощутила в свободном полете, не поддавалось описанию.

– Теперь рычаг вперед, и включай третью скорость, – послышалась в наушнике команда Ивана. Меня быстро понесло в сторону действующего вулкана.

– Разворот, – приказал Иван.

Я развернулась и полетела обратно. Навстречу просвистел Костя.

Я почувствовала, что с Костей что-то неладно. Развернулась и полетела за ним. Но он летел на третьей скорости, и я не могла его догнать.

– Внимание! Опасность, – сообщила я Ивану, – с Костей что-то случилось.

Я поняла, что мы уже достаточно далеко улетели, и рассчитывать на помощь пилотов бессмысленно – не успеют. Я выключила мини-вертолет и включила ракетный двигатель. Когда я подлетала к Косте, на него уже сыпался крупный град замерзшей воды. До центра вырывающейся из недр Титана водной массы оставалось совсем немного. Еще два десятка секунд, и конец полету.

Ударом ледяного камня мини-вертолет Кости был выведен из строя, и Костя полетел вниз. Я успела подхватить его на лету и включила ракетный двигатель на максимальную мощность. Ракетный двигатель с трудом справлялся с двойной нагрузкой, но, тем не менее, мы вышли из зоны падения града и продолжали постепенно снижаться на ледяную гору. Я направила двигатель вертикально вверх, и мы почти зависли в воздухе. Я очень испугалась. Я была бессильна что-либо сделать.

И в это время я увидела Андрея.

– *Андрюша, я в беде. Мне страшно.*

– *Спокойно, Аленушка. Я с тобой. Поверни к себе лицом своего напарника. Теперь включи его ракетный двигатель. Вот так, молодец.*

Нас с Костей понесло ввысь, но к этому времени два пилота появились рядом, выключили ракетный двигатель Кости и, взяв его под руки, улетели к вездеходу. Врач Василий подлетел ко мне, полагая, что мне тоже нужна помощь.

– Я в порядке, – ответила я ему по связи, и мы рядом полетели вслед за пилотами.

Андрея рядом со мной уже не было, и я не успела даже как следует разглядеть его в этой суматохе.

В вездеходе с Кости сняли космокостюм, Василий сделал ему укол, дал понюхать нашатырного спирта, и Костя очнулся. Выяснилось, что Костя в эйфории разогнался на третьей скорости, потом стал искать рычаг поворота, процесс затянулся. И в это время тяжелой ледяшкой ему треснуло по голове. Очнулся он только в вездеходе. Голова гудела.

– Вот что, – сказал Иван, – оставляем здесь зонд и на базе фиксируем периодичность работы криовулкана. Черт знает, что там происходит на глубине десятков километров!

– А еще покувыркаемся? – спросил Костя, сморщившись.

– Ты уже накувыркался, – строго взглянул на него Иван. – Скажи спасибо Алене за то, что она, рискуя своей жизнью, удержала тебя от последнего кувырка. А то быть бы тебе замурованным в этот гигантский ледяной памятник высотой в сто метров.

– Новичкам тренироваться надо, – добавил Василий.

– Тренироваться рядом с базой будем, – сказал Иван, – а сейчас – вперед!

– Иван Петрович, – обратилась я к старшему пилоту, – нельзя ли побыстрее?

– В чем дело?

– У меня предчувствие нехорошее. Я должна как можно раньше быть там.

Сергей загнал батискаф в грузовой отсек вездехода. Мы расселись в удобные кресла. Задраили люк, открыли вентиль наполнения воздухом, сняли космокостюмы и благополучно вернулись на базу.

И, как оказалось, вовремя. Всегда веселый Михаил Егорович вдруг побледнел, стал задыхаться и упал вместе с креслом на пол. Главный врач срочно распорядился переместить его в хирургическое отделение. Появился хирург Евгений Амбарцумович и срочно приказал готовить больного к операции. Диагноз – обширный инфаркт.

– Срочно ко мне Алену Миловскую, – приказал хирург.

– Я не успела снять космокостюм, как за мной уже подъехал трамвайчик.

– Вы в состоянии сейчас ассистировать хирургу? – спросил Максим Максимович, усаживая меня в трамвайчике.

Я сразу же представила мучительное состояние главного распорядителя кадров.

– Что случилось с Михаилом Егоровичем? – спросила я.

– Он на операционном столе. За вами послал Евгений Амбарцумович.

Через несколько минут я появилась в операционной.

– Милая моя, – обнял меня по-отечески хирург, – успели! Срочно готовьтесь к операции.

Операция продолжалась два часа. Я ассистировала Евгению Амбарцумовичу. Помогал нам молодой врач-анестезиолог. Операция была сложная и напряженная. Для меня эта тяжесть усугублялась тем, что я с первой нашей встречи почувствовала к Михаилу Егоровичу дочерние чувства. Мне показалось, что и в нем, когда он глядел на меня, проявлялось какое-то неуловимое отцовство.

После того, как он очнулся от наркоза, я подошла к нему, и он спросил:

– Ну, дочурка, давай угадывай. Чем все это кончится? Только не ври.

Я на несколько секунд ушла в себя, представив его в недалеком будущем, и заулыбалась.

– Все с вами будет в порядке. Только придется теперь терапевта посещать и кардиолога.

И режим надо менять. Нечего по четырнадцать часов торчать за своими бумагами.

Мы расстались оба в хорошем настроении, я пришла в свой кабинет, легла на кровать, на пуховый матрас, и задремала.

И сквозь дрему я увидела тебя. Ты лежал на кровати и глубоко дышал. Ты спал. Андрюшенька, ты мне снишься наяву. Я еще не провалилась в сон, а уже слышу твое дыхание. Я прижимаюсь к тебе и чувствую твое тепло. Андрюша, ты снишься мне. Мы снимся друг другу.

Так бывает только во сне. Мы идем босые по свежей траве. Вокруг цветущий лес. Солнце греет нас, пробивая лучами густые ветви деревьев. А вот мы на берегу реки. Ноги тонут в теплом песке. Вспененная, бурлящая волна останавливает свой бег, стелется у наших ног и медленно отступает обратно.

Ты берешь меня за руку и ведешь к поляне, усыпанной цветами. Перед нами стог сена. Как чудесно пахнет свежескошенное сено, подсушенное жаркими лучами Солнца. Мы падаем на колени друг перед другом и, глядя друг на друга, испытываем великое счастье быть вместе. Ты обнимаешь меня и покрываешь поцелуями губы, шею, грудь, пряди моих волос. Мы осторожно опускаемся, и я вижу над собой играющие белые, нежные, кудрявые облака и тебя,

излучающего тепло любви. Мы вместе. Мы едины. Мы – две радуги, ласкающие друг друга, переливающиеся прекрасными цветами.

Мы уже оба спали, когда над дверью в комнату Андрея сверкнул луч света, раздался короткий шелчок информатора, и на экране появился пилот корабля. Увидев спящего командира, пилот отключился. Но этого было достаточно, чтобы Андрей проснулся. Увидев рядом с собой мою полупрозрачную фигуру, он обрадовался.

– Аленушка, здравствуй.

– Здравствуй, дорогой.

– Мне приснился странный сон. Будто мы были вместе. Я обнимал тебя в стогу сена.

– Мне снился тот же сон, что и тебе.

– Мы так друг друга любим, что стали обладать почти единым сознанием. Время не стирает нашу память друг о друге, оно отступает перед нами. Понимаешь, Андрей? Мы любим все сильнее и сильнее. И время отступает. Мы его побеждаем.

– Милая моя, значит, нет сомнения, что мы доживем до встречи.

– Да, да. И она будет такой же счастливой, как в первый раз, как сейчас, как всегда. А еще я благодарна тебе за то, что ты учишь меня быть находчивой. Я уже начала работать на базе Титана. Меня включили в экспедицию по изучению глубинного океана спутника. А еще я сегодня ассистировала хирургу, спасая очень хорошего человека.

– Это хорошо. Напряженная работа сокращает время ожидания.

– Да. Тебе сейчас поступит информация. До свидания, милый мой. Жду тебя, пока.

– Пока, Аленушка.

2. 5 Андрей

Придя в себя после встречи с Аленой, я глубоко задумался.

Из этого состояния меня вывел звуковой щелчок информатора, и на небольшом экране появился пилот Джон Браун.

– Докладываю, вахту закончил. Управление кораблем передал Альберту Арсеньеву.

– И что собираешься делать?

– Пойду с Гао Фэем погоняю бильярдные шары, и на отдых.

– Вот что. Заходите с Изабель в мой отсек. Чайку попьем.

– С удовольствием, Андрей Максимович. Сейчас зайдем.

Мне очень нравился этот веселый парень. Они с Изабель удивительно подходили друг другу. Не успели мы перейти на полет по инерции, а они с Изабель уже объявили о предстоящей свадьбе. Таким образом, через некоторое время наш космобиолог Изабель будет выбита с рабочего места, превратившись в молодую мамашу,

Джон и Изабель весело ворвались в мой отсек с пачкой конфет, а вместе с ними ворвался шум, смех и неудержимое счастье жизни. Когда шумный разговор поутих, я спросил Изабель, как она относится к антропоцентризму, какие формы тел разумных существ, возможно, встретятся нам в путешествии.

– Как и все, – ответила она, – положительно. Человек встал на ноги и перестал вынюхивать лежащую на земле пищу. Нюх пропал, и человеку пришлось соображать, чтобы найти эту пищу.

Шутка понравилась и снова рассмешила компанию.

– А вы как думаете? – в свою очередь спросила Изабель.

– Я исхожу из того уже известного факта, что мир разнообразен, и формы жизни – тоже. Природные условия диктуют законы развития живых организмов, и я не удивлюсь, если увижу совершенно непредсказуемые формы разумных существ.

Разгорелся спор, к которому вскоре присоединилась еще одна пара: физик-инженер Ричард и его жена, космолингвист-криптолог Ингрид. Ингрид, в свою очередь, привела уже известные аргументы, доказывающие влияние природных условий на формирование средств связи.

– Уровень атмосферного давления и плотность воздуха, – говорила она, – предопределили диапазон частот звуковых волн, воспринимаемых нами как слух. Проникающие сквозь атмосферу лучи света определили узкий диапазон частот электромагнитных волн, которые мы ощущаем зрением. Все остальные лучи, вплоть до гамма-излучений, мы не видим – природа не наградила нас способностью ощущать их по той простой причине, что через атмосферу они до нас просто не доходят.

– А как насчет радиоизлучения? – спросил Джон.

– А мы его тоже не ощущаем, потому что естественные радиоизлучения очень слабы энергетически. До радиоизлучений, так же, как и до радиации, теории относительности и многого другого, человек добрался благодаря своему любопытству. С ходом технического прогресса появлялись приборы, которые могли фиксировать невидимое.

– Я не удивлюсь, – включился в разговор Ричард, – что мы увидим, например, живые существа, объясняющиеся между собой беззвучными для нас низкочастотными электромагнитными сигналами.

– Это как? С приемниками в ушах? – удивился Джон.

– Зачем! В нервных узлах концентрируются вещества типа ферритов, соединений окислов железа, никеля и других ферромагнетиков, под действием электромагнитных волн проис-

ходит магнитострикция – пульсация размеров ферритов, что и улавливают нервные окончания аборигенов.

– Как же они будут излучать эти электромагнитные колебания? – не унимался Джон.

– А как тебя электрический скат хвостом бьет? Как у кошки ночью глаза горят? Как под водой множество живности светится? Природа – мудрец, все придумать может.

– Интересно побывать в такой компании, – сказал Джон. – Они над твоей глупостью с электромагнитного смеху помирают, а ты смотришь на них, молчаливых, и ничего не понимаешь.

Разговор был долгим и интересным, и единственное, о чем я промолчал – о телепатической связи, которая связывала нас с Аленой. Промолчал, потому что до сих пор в силу редкого проявления этого феномена люди так и не нашли ему физического объяснения.

2. 6 Алена

Анализ работы криовулканов проводился уже вторую неделю. Обследовали еще один, третий криовулкан меньших размеров, на двести километров к экватору. Я зашла в отдел физических исследований Титана, где меня с раскрытыми объятиями встретил Костя. Неугомонный Костя и здесь снискал славу неунывающего весельчака, с одной стороны, и неутомимого исследователя с другой.

– Разрешите представить вам мою спасительницу.

Люди повернулись ко мне. Только один человек, уткнувшийся в тубус ультразвукового аппарата, остался неподвижен.

– Опять заснул, – сказал, по-видимому, старший из физиков, высокий, лохматый и бородастый блондин, обращаясь ко мне. – Днем вот так весь день работает, а ночью бродит в оранжерейных садах.

– Может быть, на Земле садоводом был, – ответила я.

– Ага, садоводом, – усмехнулся Костя, – там, кроме роботов, одни девушки работают.

– Как вас величать? – снова обратился ко мне старший.

– Алена.

Я протянула руку главному физикау поселения.

– А меня Петр Антипович. Будем знакомы.

В это время Костя подошел вплотную к прилипшему к тубусу молодому человеку и гаркнул:

– Вста-а-ать!

Молодой брюнет вскочил и, вытаращив глаза, уставился на начальника.

– Знакомьтесь, Алена. Это Артем. Отличается трудолюбием. Особенно после окончания работы.

Артем кивнул мне и сделал попытку улыбнуться. Улыбка получилась кривая.

– Значит, это вы, – как будто ничего не произошло, снова обратился ко мне Петр Антипович, – нашего Константина из прохладного фонтана вытащили? Правильно сделали. А то горяч уж больно. Ну, располагайтесь, знакомьтесь, любопытствуйте.

– Спасибо, – ответила я и подошла к Косте. – Как себя чувствуешь?

– А вы не беспокойтесь, – заявил еще один шутник, – у него лоб любую нагрузку выдержит. Правда, после того, как его ледяной окатыш поцеловал в темечко, у него голова тыквой стала. Была круглая, а теперь тыквой.

Народ стал надуваться смехом. Один прыснул в кулак, другой издал смешок, а третий так вообще не удержался от хохота.

– Хватит, хватит издеваться над человеком, – вступился за Костю окончательно проснувшийся Артем. – Он, может быть, жизнью рисковал... Хорошо, что по лбу попало. А если бы в циферблат?

И снова хохот.

– Вам что, делать нечего? – строго взглянул на хохотунов старший.

Костя подвел меня к одному из приборов, на экране которого было видно, как медленно, очень медленно перемещается неровная поверхность, изрытая трещинами и буграми.

– Знаешь, что это?

– Пока нет.

– Это поверхность ядра Титана, покрытая толстым слоем льда. Так сказать, дно исследуемого нами океана. А между мантией, на которой мы устроились, и этим ядром – подводный океан. Значит, температура жидкости этого океана выше температуры мантии и ядра.

– И мы в этот океан будем нырять? – спросила я.

– Вот именно, нырять... через один из этих криовулканов, в тот момент, когда оттуда брызнет фонтан.

– А силенок у батискафа хватит, чтобы преодолеть этот поток?

– Хва-а-атит. То, что ты сейчас видишь, передает из глубины наш беспилотный зонд.

– И что, интересно, он передал?

– Много. Во-первых, давление там тысячи атмосфер, температура там минусовая.

– Почему же вода не замерзает?

– Очень большая насыщенность солями, очень высокое давление, смесь с этаном, метаном и так далее. Интересно, что температуры там не постоянные, быстро меняются. Вдруг нахлынет заморозок, и жидкость леденеет. Важно вовремя уйти из этой области. Иначе превратишься в вечную игрушку в прозрачной ледяшке.

– А как насчет выныривания?

– Здесь тоже особенность. Наблюдение за тремя криовулканами показало, что нет никакой периодичности в этой вулканической деятельности. Давление вблизи криовулканов зависит, по-видимому, от положения ядра. Один наш зонд успел выскочить в потоке жидкости через экваториальный криовулкан. Ближайшие к нам криовулканы, которые только что плевались, молчат, чего-то ждут.

– Да. Интересно.

– Теперь самое интересное. Вот съемка второго зонда. Мимо плывут будто бы льдины, а внутри у них мягкая субстанция, очень похожая на биоматериал. А?

Я вцепилась в стол, и в голове у меня завертелось: «Неужели живое существо?»

– А теперь посмотри, куда оно плывет.

– Куда?

– Против течения плывет!

– Неужели это правда?

– Правда, неправда. Понаблюдаем еще, тогда и прояснится.

– Я веду этот зонд. Ребята запускают еще несколько. Будем изучать весь океан. Как живет? Чем дышит? Кто кого жует?

– Костя, спасибо тебе. Можно я к тебе приходить буду, наблюдать... ну это... кто кого жует.

– Я не против. Согласую с Петром Антипычем, и все будет в порядке.

Когда я с Костей обратилась с этим вопросом к руководителю группы физиков Петру Антиповичу, тот, глядя на меня, сказал:

– Вы очень красивая женщина, и отказать вам – язык не поворачивается. Вот только одна проблема: насколько все это помешает основной работе.

У рыжего Кости уши стали красными. Я посмотрела на Петра Антиповича и как можно спокойней и серьезней сказала:

– Уважаемый Петр Антипович, уверяю вас, что мое сердце принадлежит человеку, который сейчас удаляется от Солнечной системы.

Сказано это было так убедительно, что Петр Антипович, человек крупный, двухметрового роста, стушевался и как-то виновато извинился.

Итак, вопрос был решен, и мы с Костей стали заниматься состоянием подледного океана, запуская туда через криовулканы то один, то другой зонды. Долгосрочные исследования показали, что в жидкой прослойке между мантией и ядром не все спокойно. Скорость подледного течения меняется, создавая в отдельных местах высокое давление, приводящее к выбросам воды на поверхность Титана. Температурный режим водной стихии также был непостоянный. Иногда слой льда, примыкающий к мантии, с огромной скоростью разрастался, захватывая в свои объятия все, что двигалось. Один из зондов попал в такой плен и находился в непо-

движности до тех пор, пока так же неожиданно температура этого слоя океана не поднялась, и ледяные наросты на мантии превратились в быстротекущие потоки жидкости.

Наблюдая однажды спокойную обстановку в подледном океане, я обнаружила, как картина резко изменилась. Мимо зонда пролетела целая стая полупрозрачных, похожих на льдинки предметов. Я позвала Костю.

– Смотри! Смотри! Они опять плывут против течения.

Костя направил один зонд за полупрозрачными беглецами, а другой оставил на месте.

– Все ясно, – сказал он, – тот зонд, что остался на месте, попал в объятия быстрого обледенения. Давай проследим за вторым.

Второй, сохраняя скорость, проскочил мимо больших валунов, плавающих в океане, и устремился за теми, что удирали от обледенения вниз к ледяному покрытию ядра.

– Так я и предполагал, – разговаривал сам с собой Костя, – радиоактивность и приливное воздействие Сатурна.

Меня же всерьез заинтересовали полупрозрачные объекты, в большом количестве сгруппировавшиеся в подкорковом океане вблизи ядра. В лаборатории проводился целый цикл исследований океана: распределение температур, центры радиоактивности, подогревающие спутник, плотность проплывающих объектов, концентрация солей, понижающая температуру затвердевания жидкости, причины изменения давления в отдельных местах, приводящие к возникновению криовулканов

На одном из последних совещаний, перед тем, как дать старт экспедиции, обсуждались все эти вопросы. Руководил совещанием Петр Антипович.

– Ну что, ребята? Кое-что выяснили? Теперь давайте высказываться.

– Разрешите, – попросил слова известный ученый с древним именем Аристарх, – предлагаю сначала излагать факты, а уж потом – возможные объяснения. Согласны?

Все закивали головами.

– Итак, факт первый. Внутри спутника происходит распад тяжелых ядер – радиоактивность. И распад значительно активней, чем на Земле. Факт второй. Титан делает полный оборот вокруг Сатурна за пятнадцать с половиной наших суток по эллиптической орбите с небольшим эксцентриситетом. Наблюдаются приливные явления за счет воздействия Сатурна. Сатурн со своими спутниками обращается вокруг Солнца за тридцать лет. Плоскость орбиты Сатурна вокруг Солнца не совпадает с осью его вращения. Поэтому, за тридцать лет на Сатурне и на Титане происходят смены времен года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.